

Лучшие книги для девочек

Людмила Матвеева

Тусовки 6 Б

Людмила Григорьевна Матвеева

Тусовки 6 «Б»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2955225

Матвеева Л. Г. / Тусовки 6 «Б»: АСТ, Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-063987-8, 978-5-271-26213-5

Аннотация

Мы учимся в шестом классе. А после школы часто встречаемся в парке. Рассказываем анекдоты, музыку обсуждаем, журналы, сплетничаем, делимся новостями, в общем – тусуемся.

Родителям не нравятся наши словечки, одежда и вкусы, и тогда мы с ними ссоримся. В общем, ты меня понимаешь, если тоже учишься в шестом.

Содержание

1. Горькие слезы	4
2. Мальчик с хвостиком	14
3. Непобедимая мама	20
4. Коварство Лехи	28
5. Путь к успеху	34
6. Он появился не зря	45
7. Алые паруса	62
8. Вам письмо	74
9. Другая	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Людмила Матвеева

Тусовки 6 «Б»

1. Горькие слезы

Первым уроком в тот день была литература, но литераторша опаздывала. Все собрались, а ее нет.

– Вчера давала частные уроки, сегодня проспала, – предположила Лидка Князева.

– Проспала, хотя она ставит будильник в кастрюлю около кровати, чтобы он громче звонил.

Все засмеялись.

– Откуда ты, Оля, знаешь про кастрюлю? – спросила Агата.

Оля так часто врет, что не понять, где правда, а где фантазия. Но Агата не сердится на Олю за ее выдумки: Агата и сама умеет соврать. Правда, не так часто, как Оля. И не так интересно.

– Очень просто. – Оля смотрела честными голубыми глазами. – Курица живет в соседнем со мной доме. Из моих окон видны ее окна, а шторы задергивать она забывает – у нее в голове стихи и поэмы. И я сама видела кастрюлю у кровати, а в кастрюле будильник. Он звонил так громко, что я сама слышала этот кошмар через открытую форточку. От

вопля будильника я и проснулась. А Курица не проснулась.

Все смеялись громко, а некоторые нарочно прибавляли громкость – ведь Курицы не было.

– Оля, может, ты и врешь, но хорошо сочинила про кастрюлю, – сказал самый умный в классе – Гриша.

Литераторша все не приходила, видно, кастрюля не помогла. Шестой класс пользовался моментом – бесился. Они это называли колбаситься, а также – зажигать, отрываться.

– Колбасимся! – крикнул Леха и вспрыгнул на парту.

И все с готовностью откликнулись на его призыв. Кто-то стал скакать по партам. Кто-то захотел подраться. Кому-то в знак особого внимания досталось хрестоматией по макушке. А кое-каким из девочек пришлось носиться по всему классу, спасаясь от очередного влюбленного. Они визжали и возмущались, но при этом всем было понятно, что гнев ненастоящий, девчонки умеют прекрасно притворяться. Они все до одной знают неписанный закон личных отношений: гораздо хуже, если тебя не пинают, не тычут острым локтем под ребра, не обзывают Крысой или Жабой.

В классе было очень шумно, но девчонки ухитрились перекидываться фразами, не напрягая голоса, им все было слышно.

– У Ленки-ашницы новая футболка с голубком и голубкой, – говорила Лидка Князева. – Ленка, даже когда холодно, ходит в расстегнутой куртке, чтобы весь бульвар ахнул от ее футболочки.

– Китайская майка, ничего особенного, – хмыкнула Василиса прекрасная, соскочив с подоконника на пол.

– Ленка всегда выпендривается. – Надя-Сфинкс презрительно скривила рот.

– А у меня зато новый диск группы «Пельмень», – похвасталась Агата. Она немного приврала, диск не был куплен, мама с утра отказала в деньгах: «Мои инвестиции в твои, Агата, фантазии слишком велики», – сказала мама и ушла на работу в свою редакцию. Трудные слова легко поняла Агата: диск сегодня не купить. Она отложила борьбу за права человека до вечера.

Варвара вздохнула:

– Моя мама обещала купить мне туфельки, каблукочок граненый, а верх, как вышитый. Но купила она туфельки себе – у нее новый поклонник. Старый, лет сорок, а она перед ним выпендривается на граненых каблукочках. И ведь не ее стиль, а мой. Присвоила и не постеснялась. Так и сказала: «Варвара, у меня новый поклонник, достойный и холостой. Ты, Варвара, помогай мне хорошо выглядеть: нужны твои советы – модная одежда, стильная прическа, современная косметика».

– И ты, конечно, уши развесила и давай пахать на маму. Как же, новый поклонник!

– Во-во! Они вечно, – Оля слетела с подоконника на пол, – немолодые женщины, тридцать с хвостиком, а глупости на уме. И покупают все себе! А нам – ничего! Моя мама прячет

от меня свою французскую косметику. И додумалась – прячет на антресоль! А сережки сует в энциклопедию, чтобы я их не надевала.

– А какие они, эти сережки? – заинтересовалась Анюта балетная.

– Да вот они, в моих хорошеньких ушках. – Оля повертелась перед девчонками, они рассмеялись. Всегда приятно, когда удается победить взрослых. – Что же я – совсем лохушка? Не догадаюсь порыться в книгах? Тем более, в энциклопедии, она такая толстая, большая, в ней что угодно спрячешь. Мама изобретательная, но и я догадливая.

– Голубенькие, насыщенный цвет, – Агата залюбовалась сережками.

– Как раз к моим голубым глазам, – Оля прошлась по классу, – и браслетик голубой, – она повертела рукой. Тонкий изящный браслет засверкал на запястье. – Маме подарил поклонник. Я этот браслет еле отыскала. Мама спрятала его в замороженную курицу, а ее положила в морозилку как ни в чем не бывало. До этого додуматься вообще невозможно. Но моя мама додумалась и спрятала! А я додумалась и нашла! Потому что я ее дочь!

– Настоящий детектив! – восхитилась Василиса прекрасная. – А ты, Оля, как сыщик Половинкин из сериала «Подвиг Половинкина».

– Оль, угадай, где моя мама хранит тушь для ресниц? – приставала к Оле Надя-Сфинкс. Это было высшее призна-

ние – Надя почти никогда не хвалит девочек, считает их всех глупыми и коварными. – Куда она прячет тушь и тени?

– Сама ищи, Сфинкс, в каждом доме свои тайники. А у каждой мамы свои хитрости.

Леха перестал бороться с Барбосовым, отряхнул с брюк пыль и сказал:

– Вечно ты, Оля, врешь! В курице, главное дело! Пусть ты не дура, но столько ума у тебя не наберется, чтобы найти такую крутую заначку. У Агаты и то столько ума не наберется, чтобы вычислить: «Браслет – в курице!» А она намного умнее тебя.

Оля засмеялась:

– Чтобы отличить правду от неправды, Леха, нужен не только ум.

– А что же нужно?

– Недоверчивость, – твердо и весело ответила Оля.

Класс продолжал беситься.

Шестой «Б» разошелся не на шутку. Учитель, когда он в классе, сдерживает эмоции учеников. Даже не очень строгий учитель – все равно класс ведет себя прилично. А Курица довольно строгая, но ее не было, и они продолжали кричать, танцевать, носиться, летать по партам. От полноты чувств Леха вдруг как крикнет:

– Тряпка!

Ни к селу ни к городу он это выкрикнул. Но все расхохотались и стали изо всех сил показывать, как им смешно.

– Умираю! – завопил Сергей и повалился на пол.

Василиса прекрасная согнулась пополам:

– Ой, не могу! Тряпка!

Может быть, тряпка – смешное слово? Да нет, слово как слово. Просто такое настроение было в то утро – палец покажи, и все падают от смеха.

Тряпки им оказалось мало, все стали выкрикивать что попало:

– Хрюшка!

– Петрушка!

– Катюшка!

– Ключка!

Какое удовольствие, оказывается, выпаливать чушь. На всю школу кричал шестой «Б».

И тут Агата сказала негромко, но все услышали, потому что интересное всегда слышно:

– Глаша шла вчера по бульвару с очень странным мальчишкой. Я не любопытная, но мне стало интересно. Прикиньте, у него хвост!

– Врешь! Хвост, главное дело!

– Прямо сзади? Как же ты увидела? Он же в джинсах!

И снова все захохотали, Агата – с ними. Потом ответила:

– Хвост на макушке, шапка торчит из кармана. И лицо не то сонное, не то мечтательное.

– А раньше ходила без мальчишки, с подружкой Сашей.

– И с собачкой Аришей! А теперь с мальчишкой! Он ни-

чего, симпатяга! – добавила Агата и получила от Лехи тычок локтем под ребро.

– Прям, красавец. Он ниже Глаши ростом, – Сфинкс скривила рот, – он метр с кепкой!

– В коньках! – хихикнул Леха.

– В прыжке на парашюте! – добавил самый умный Гриша.

– Люди! У меня тончайшая интуиция. – Оля подскочила к двери и выглянула в коридор. – Так и есть, Курица!

Стало так тихо, как будто класс был пустым. Агата давно заметила: кто умеет громко кричать, тот умеет мгновенно замолкать. Только чириканье воробушка в школьном дворе доносилось в открытую форточку.

Литераторша Курица обвела всех непримиримым куриным взглядом. Агата пригнулась за партой, сейчас Курица начнет мотать нервы: «Я задавала на дом выучить стихотворение „Парус“, гениальное произведение великого поэта». Агата не дышала, про себя твердила: «Не вызывай меня, Курица, ну что тебе стоит? Вызови кого-нибудь другого. Например, Барбосова».

Курица молча оглядывала класс. Вгляделась в Олю, потом в Леху, Варвару. Агата одним глазом украдкой следила за литераторшей.

Агата умеет видеть учителей насквозь, но сегодня литераторша вела себя непонятно: слишком уж долго молчала. Агата на всякий случай продолжала сидеть пригнувшись. Ну вот сейчас Курица наберет в грудь воздуха и заведет обычную

волынку о домашнем задании, о гениальном поэте, о том, что свои обязанности каждый должен выполнять и не отлынивать.

А Курица? Она набрала в грудь воздуха, как перед долгой нотацией, и вдруг сказала:

– Надо говорить правильно: «Метр с кепкой, на коньках, в прыжке с парашютом».

Класс изумленно ахнул.

– Во дает! – Барбосов выразил общее удивление.

– Вас было слышно даже во дворе, – сказала Курица, – вы кричали громко и не совсем правильно. Надо, как я сказала: «Метр с кепкой в прыжке с парашютом».

Класс смотрел на ее строгое лицо. Значит, шутить с Курицей нельзя? Агата пыталась найти ответ на этот важный вопрос. Курица вечно борется за чистоту родного языка, поэтому шестой «Б» считает ее нудной. Агата вспомнила, как Курица недавно сказала: «Терпеть не могу ваш жаргон, какое-то уродство. Особенно меня выводит из себя слово „тусовка“. Ну что это такое!» – «А что ужасного? – наивно спросила тогда Агата, наивность была немного притворная. – Тусовка и тусовка. Общение, разговоры умные и глупые. Зачем вам расстраиваться?» – и посмотрела на Курицу немного насмешливо, немного сочувственно.

А литераторша не сдавалась: «Возмутительное словечко! Можно же сказать по-человечески – „вечеринка“, „встреча“, „праздник“, „день рождения“! Понятные слова. Приличные

люди не тусуются, а встречаются! Я лично никогда не употребляю это слово! Хоть стреляйте в меня!»

И вот сегодня Курица поразила шестой «Б». «Метр с кепкой»! Смешно, но ведь точно – неинтеллигентно! Агата перестала прятаться за книгой, поставленной на парту. Она во все глаза смотрела на Курицу и решила: «Учитель тоже человек». Агата даже сказала это вслух, но тихо, услышал только Леха, он сосед по парте. Леха кивнул и улыбнулся – мысль ему понравилась.

А Курица, видно, решила в этот день окончательно поразить класс. Она стояла выпрямившись и молчала, все вспомнили про стихотворение и стали шелестеть страницами учебников. Сейчас вызовет! Паузу Агата давно считает способом учителя изводить своих беззащитных учеников. Учитель хочет подчеркнуть, что он главнее. Но сегодня Курица не стала бестактно напоминать про домашнее задание. Она сказала:

– Я видела сейчас такую тусовку!

– Стрелять? – невинно спросил Леха.

– Только попробуй, – засмеялась она. Ведь как сама же зарекалась: «Никогда не употреблю этого слова, хоть стреляйте в меня».

– Классно! – выдохнул класс.

А Курица продолжала:

– Там, на Лунном бульваре, я увидела какую-то девочку с саблей на боку. Еще там был молодой человек с хвостиком.

ком. Он по своей толстой книге предсказывал любому желающему будущее, это было убедительно и таинственно. И я не удержалась, попросила сказать, что меня ждет. Он сказал. Вот почему я опоздала сегодня на урок.

– Учитель тоже человек, – сказала Агата и положила на учительский стол апельсин, очень яркий и веселый. – Витамины, – добавила Агата. Курица опустила апельсин в свою сумку, где обычно лежала толстая стопка тетрадей с непроверенным диктантом.

– А какое будущее у вас будет? – любопытство часто приводит Лидку к разным лишним вопросам.

– Прекрасное, – без подробностей ответила Курица.

В это необыкновенное утро Агата не знала, что к вечеру ее ждет отчаянное сражение и горькие слезы.

2. Мальчик с хвостиком

Агата видела его не в первый раз, но сегодня решилась подойти. Рядом с ним стояла Лидка Князева:

– Крутой, что ли? – Лидка думала, что она польстила ему.

Но парень отмахнулся:

– Никогда не видела крутых? Какой же я крутой? Ботаник и очкарик.

– А рюкзак-то красный, – не отставала Князева. Она, когда волнуется, говорит все подряд – что видит, о том и спрашивает. А волнуется Князева при виде любого незнакомого мальчишки, она начинает питать большие надежды на счастливое будущее. – А из рюкзака-то кто выглядывает! Обезьянка! Самая настоящая! Улыбается!

– Лидка, не подходи, укусит! – тихо предупредила Агата.

Князева отодвинулась от рюкзака. Агата любит дразнить Лидку – у Агаты чувство юмора есть, а у Князевой иногда есть, а иногда нет.

– Купил ее в «Детском мире». Успокойся, Лидка, настоящие обезьяны не бывают сиреневыми.

– Редкая порода, – упирается Князева.

Парень с хвостиком молчит, у него в плеере играет громкая музыка.

– Настоящая обезьяна не выдержала бы такой громкости, – наконец сказал он и подмигнул Агате – дал понять, что

в этом споре он на ее стороне.

– А песня классная, – хваталась за последнюю соломинку Князева.

Он не реагировал, слушал песню. Агата говорила тихо, знала, что ее он услышит:

– Я эту песню обожаю просто, хотела даже купить диск.

– Но мама денег не дала, – вдруг добавил он. Откуда он знает? Странный парень. Агата молча слушала его музыку.

Любовь – глубокий водоем,
Волна высокая,
Переплывем его вдвоем,
Пусть волна высокая,
Пусть зарос осокою,
Пусть опасен и широк
Наш водоем без берега,
Но ты мне руку подаешь
Меня спасаешь бережно.

– Наслушались? – Он улыбнулся, выключил плеер и достал из рюкзака толстую книгу. Агата никогда не видела таких огромных книг. Он листал ее, шевелил губами, задумывался. Постепенно их окружили разные хорошо знакомые Агате люди – пришел Леха, за ним Надя-Сфинкс, Барбосов.

– Я не любопытный, но мне интересно, – начал Леха, – ты, правда, предсказываешь будущее? А некоторые почему здесь? – Леха грозно покосился на Агату. – Предсказателей,

что ли, никогда не видели?

– Да, я никогда не видела предсказателей, – сказала Агата и заглянула в толстую книгу.

Большими буквами было написано: «Макушка». Парень с хвостиком заметил, что она подглядывает, и захлопнул книгу, запихнул ее в свой рюкзак цвета спелых помидоров. Видно, он потревожил сиреневую обезьянку, и она тонким голоском сказала:

– А осторожнее нельзя?

– Извини, Клава, – он погладил ее сиреневую голову.

Все заволновались, стали толкать друг дружку:

– Говорит мартышка!

– А ты думала – игрушка!

– Самая настоящая!

– Настоящие обезьяны не говорят, – самый умный Гриша сразу во всем разберется. – Это фокус, говорит он! – И самый умный кивнул на парня с хвостиком.

– Меня зовут Юлий Цезаревич, если кому интересно.

– Цезаревич!

– Прикольно!

– А здесь ты почему оказался? На нашем Лунном бульваре? – Леха не любит тех, на кого Агата смотрит внимательно и с интересом.

– Здесь я надеюсь сделать свой бизнес, вот и все, ничего особенного.

– И какой у тебя бизнес? – с насмешкой спросил Леха.

Он только притворялся безразличным, но Агата видела, что Леха заинтересовался, – предсказания, что ли? И тебе за них платят, что ли?

Агата улыбалась Юлию Цезаревичу, Лехе хотелось уни-
зить его.

– Скажу, так и быть. Хотя обязан хранить коммерческую тайну. И вообще – тайну.

– Про бизнес всегда интересно, – зашумели все, – деньги нужны, а родители не понимают.

– Бабки заработать – это хорошо.

– Коммерческая тайна все равно раскроется. – Оля не то смотрела на Юлия Цезаревича, не то демонстрировала ему свои красивые голубые глаза. – У меня тоже была тайна биз-
неса, но теперь это уже не тайна. Я продаю вранье.

– Не понял, объясни, – Юлий Цезаревич заинтересовался.

– Очень просто. Разные хитрые версии для обмана роди-
телей и учителей.

– И хорошо покупают? – Очки Юлия Цезаревича сверкнули весело и азартно.

«А он ничего, не скучный», – подумала Агата и отошла от Лехи, чтобы он не стукнул ее, если сумеет прочесть ее мысли.

– Покупают. Недавно я продала версию своей маме, и она ее купила.

– Какую версию? – стали приставать к Оле.

Она нарисовала такую картинку:

– В воскресенье утром мама пекла блинчики, я включила музыкальный центр на всю громкость:

Под козырьком

После меня

Нет никого.

– Ты опоздал.

– Я не успел, —

Можно простить...

«Люблю Земфиру», – сказала мама и перевернула румяный блинчик. Я видела, что у мамы хорошее настроение, и сказала: «Мама, на бульваре появился предсказатель, за большие деньги предсказывает прошлое, настоящее, будущее». Мама спросила: «Откуда ты знаешь?» – «Наша литераторша сама у него гадала и нам дала такое задание – каждому погадать у него». А для моей мамы учительница – главный авторитет. Она тут же схватила куртку – бежать на Лунный бульвар. А я ей говорю: «Мама, он предскажет мне про тебя, а тебе про твою маму. Такое у него правило. Разве ты хочешь про бабушку узнать? Или все-таки про себя?» Тогда мама остановилась, дала мне деньги и сказала: «Беги и расспроси гадалею, как ко мне относится мой Валера, и про зарплату спроси, повысят или нет».

Оля рассказывала эту историю с таким серьезным лицом, что все хохотали: родители бывают такими смешными, доверчивыми, как маленькие. Юлий Цезаревич тоже смеялся,

и обезьянка Клава хихикала.

– Ты обещал раскрыть коммерческую тайну, – напомнил Леха. – Неужели гаданием можно заработать?

– Гаданием – не знаю, – серьезно ответил Юлий Цезаревич. – У меня предсказания на строго научной основе.

– Он бабки хочет, – догадался не самый догадливый из ребят – Барбосов. – Говори, хочешь бабки?

– Спешу, – отрезал Юлий Цезаревич, закинул за спину рюкзак и ушел. Ярко-красный рюкзачок замаячил среди темных голых кустов на аллее Случайных встреч.

– Он гадает на строго научной основе, – насмешливо сказал Леха.

– А мне лично один фиг, – добавил Барбосов и сплюнул. Ему тоже показалось, что его Надя-Сфинкс то и дело строит глазки этому Юлию Цезаревичу.

3. Непобедимая мама

Агата лежала на тахте, смотрела в потолок и пролиwała слезы. Агата плачет редко, но тут без слез было не обойтись.

Все началось вечером. Мама включила стиральную машину и села в кресло с очередным романом из серии «Средство от мыслей». Мама устает в своей редакции. Она считает, что такие книги дают возможность разгрузить голову. Агата включила музыкальный центр, прибавила громкость – надо было отвлечь маму от чтения и обратиться с просьбой. Центр надрывался:

Мы с тобой шагаем дружно,
Ты и я.
Другого счастья нам не нужно,
Милая моя.
Ноги длинные, шаги длинные,
Всего у нас поровну,
Но идем мы, любимая,
В разные стороны.

– Мам! Классная группа? Философская песня! Это, мам, «Кузнечик».

– Угу. – Мама читала и не вникла. А напрасно.

– Мама! «Кузнечик» завтра в «Ватрушке» поет. – Мама неторопливо перевернула страницу. – Мама! Весь наш класс

идет на этот концерт века! Дашь денег, мама? – Агата подошла к маме и заглянула ей в глаза. Глаза были такие же, как у дочери – ярко-серые, большие. Но лукавства в них меньше, чем в Агатиных. – Весь наш класс собирается на «Кузнечика»!

– Свободных денег в доме нет. Агата, обойдись на этот раз без «Кузнечика». Тем более твоя тройка по английскому огорчает меня всерьез.

– Тройка – это ерунда! Исправлю в четверг. А концерт пройдет и не вернется! Весь класс идет, мама!

– Про весь класс – вранье бессовестное.

– Ну как ты можешь мне не верить? Я говорю правду и ничего, кроме правды. – Агата чувствовала: пафос необходим, на этот приподнятый тон вся последняя надежда.

– Ни слова правды, – отмахнулась мама. – Я вчера встретила в метро маму Нади-Сфинкс. Она рассказала, что Надя клянчит деньги на «Кузнечика» и ссылается на весь класс, а в первую очередь – на тебя. Она весь дом на уши поставила: «Агата уже купила билет! Весь класс идет, а я, как сирота-подкидыш. Не ходить на „Кузнечика“ просто неинтеллигентно!» Все вы обманщики, мама Агаты не любит вранья, забыла свое детство, наверное.

Агата не стала углубляться в проблему вранья – зачем мусолить эту невыгодную для нее тему? Инстинкт самосохранения у Агаты развит хорошо, она сказала:

– Сфинкс права. Все интеллигентные продвинутые люди

будут там. Весь город.

– Прекрати, пожалуйста, я от тебя устала. – Мама взяла свою книгу и ушла в другую комнату – дала понять, что разговор окончен.

Все было ясно. Тогда Агата легла на тахту, стала смотреть в потолок и плакать очень жалобно и беззвучно. Слезы лились по щекам, некоторые попадали в уши и в рот. Они были соленые, от этого стало совсем жалко себя.

– Мама, у твоей дочки полные уши слез. И виновата в этом ты, родная мать.

– Не дави на меня, – защищаться всегда труднее, чем нападать. Мама это знает. – Ты избаловалась и обнаглела, стыдно.

– Несчастный билет на несчастный концерт несчастного «Кузнечика»! Это наглость? Андрюшке из математического лицея купили иномарку! А Ленка-Моль болотная ходит в новом длинном черном пальто, английское, на любой сезон. И еще она носит маленькую черную шапочку, элегантную, она сказала. Они не избалованные, а я избалованная! – И Агата собралась громко зарыдать.

Но мама, услышав про элегантную шапочку, рассмеялась.

– Ленка выглядит жеманной и неестественной. А иномарку Андрею правда купили?

– Да! Да! Родители своих детей балуют! А я рыдаю из-за несчастного концерта в несчастном клубе «Ватрушка».

На самом деле мама понимала, что Агата немного притво-

рется – не такая она глупая, чтобы безумно страдать из-за какого-то «Кузнечика» в какой-то «Ватрушке». Но и Агата прекрасно понимала, что у мамы сердце не камень, и слезы в Агатиных ушах маму очень даже трогают, и все просьбы дочери не проходят мимо.

Мама пыталась вывести Агату на чистую воду, но делала это весело. Она отложила книгу и встала в дверях комнаты, где Агата продолжала страдать.

– Андрюше купили иномарку? Машину? Шестикласснику? – спросила она.

Мама внимательно смотрела на Агату. Сквозь тонкие бровки, ротик, сложенный сердечком, невинные глаза проглядывало самое наглое вранье. Мама умеет улавливать такие тонкие вещи. И Агата не выдержала маминого взгляда, произнесла неохотно:

– Итальянскую ручку ему подарили! Иномарка же!

Мама теперь уже вопросительно смотрела на Агату. Агата не опускала глаз:

– Я сказала «иномарку», я не говорила «машину»! – Она вскочила с тахты и стала что-то искать в своем рюкзаке, он лежал на письменном столе. – Ручка из Италии, разве не иномарка? Его мама обожает своего сына!

Агата прыснула, мама тоже не выдержала и рассмеялась:

– А ты ребенок, лишенный детства, да?

– Не всегда, – честно ответила Агата, – но сегодня ты меня не понимаешь. Ты вообще не жадная, а сегодня с тобой

что-то случилось, – она отвернулась к рюкзаку и всхлипнула, чтобы напомнить маме о жалости к единственному ребенку, лишенному детства.

Агата понимала, откуда дует ветер: мама становилась несговорчивой после общения с подружкой Ниной, которая была принципиально против избалованных детей. Нина накручивала маму: «Избалуешь Агату, потом наплачешься! Она у тебя и так слишком независимая». – «Ты, как всегда, права, Нина». Своих детей у подружки Нины не было.

Агата отошла от стола и села на тахту. В крайнем случае можно будет опять разреветься. Может быть, маму доконает второй тур рыданий и стонов?

– Твоя Нина противная. Сама твоим умом живет, ты за нее думаешь, а она тебя против меня подговаривает. А ты слушаешь ее, хотя ты умнее намного. И вообще, ты журналист. А она кто? Педикюрша!

– Не рассуждай о взрослых! Мала еще! А педикюрша – это почти хирург!

– Ха-ха-ха! Тридцать три «ха-ха»! – Дверь маминой комнаты была приоткрыта, но Агата на всякий случай кричала громко: – Хирург! Хирург учится после школы лет десять. А педикюрша на ускоренных курсах всего месяцев пять. И вообще у меня с твоей Ниной антипатия вполне взаимная.

– Глупости говоришь, Агата. – Мама опять появилась в дверях. – А кстати, неприязнь всегда бывает взаимной. Это я говорю теоретически, Нина здесь ни при чем. И дружба без

взаимности не бывает.

– А любовь бывает. Сколько угодно без всякой взаимности, – грустно сказала Агата.

Мама внимательно посмотрела на нее:

– Опять поссорилась с Лехой? Не страдай, помирись. – Но почему-то в мамином голосе не было уверенности. Утешать легко, а помочь трудно.

– Леха примитивный и неотесанный. Он ревнует меня к знаменитому «Кузнечику», обзывает его Саранчой, а иногда – Гусеницей. И дерется, главное дело. Глупо, правда, мам?

Мама еле удержалась от смеха, но поняла, что это бестактно и сделала вид, что закашлялась.

– Конечно, ревность, тяжелые переживания. Нехорошо доводить человека до ревности. Тем более Леху, надежного друга. Мне его жалко.

– Нечестно! Ты должна быть за меня, а не за Леху, у него своя мама есть, пусть она его жалеет. И еще у него есть отец и старший брат Денис. Полный дом близких родственников. Он хорошо живет, этот ревнивый Леха. Он кота Барса присвоил на всю неделю! А с четверга моя очередь на кота. А ты несовременно рассуждаешь, мама! Ревность вовсе не мученье, а прикол. В любви должна быть измена, а без измены это не любовь, а фигня.

– Говори по-русски без таких слов. Вульгарно, и тебе не идет.

Мама еще немного попилила Агату, но было видно, что ее

настроение переменялось. Оно стало другим в тот момент, когда Агата перечисляла Лехину семью. Особенно на маму произвело впечатление слово «отец». У Агаты нет отца, бедная девочка Агата. Хитрый веселый взгляд дочери мама не заметила. Или притворилась, что не заметила. Мама вздохнула:

– Так и быть, возьми деньги на твоего «Сверчка», кошелек в синей сумке. Но чтобы я в ближайшие месяцы не слышала о новых сапогах для бедной девочки Агаты, обутой хуже всех в классе. Поняла?

– Легко поняла, – Агата радостно улыбнулась маме, убрала деньги в свой кошелек, закружилась по комнате и добавила: – Не сапоги, мама, а ботиночки. Точно такие, как у Ленки-ашницы – натуральная кожа, отвороты замшевые, совершенно простые ботиночки, но сразу видно – из дорогого бутика.

– Агата, уймись. Ты удивительная – вроде интеллигентная девочка, воспитанная, но иногда становишься просто нахалкой и хулиганкой.

Зазвонил Агатин мобильный телефон.

– Как – где? – весело спросила она. – Естественно, дома, где еще может быть приличная девочка вечером? С мамой беседуем, мирно, с пониманием. Иду, иду, это была шутка.

До мамы доносился визгливый голос Нади-Сфинкс. Агата послушала и сказала:

– Надя, сразу не согласятся, не надейся.

Агати́на ма́ма не стала слушать разговор, тактично ушла в свою комнату, но даже оттуда услышала веселое щебетание:

– Сразу – ни за что не дадут. А после, может, сжалятся. Я наплакала полные уши горьких слез. Как, как? Очень просто, рыдай, лежа на спине, слезы потекут прямо в уши. Куда же им еще литься?

4. Коварство Лехи

Леха ждал Агату на Лунном бульваре. Они, правда, не договаривались, но у Лехи было предчувствие: она придет. Тем более у Агаты тонкая интуиция, она сама об этом часто говорит. Значит, она догадается, что Леха торчит тут уже час или даже два. На самом деле он ждал Агату минут двадцать, но нетерпеливый всегда преувеличивает.

Где она застряла? Звонить ей он не мог – они поругались на большой перемене, самолюбие говорило: «Не звони, встретитесь случайно и помиритесь».

Леха шагал туда-сюда по дорожке Глупых ссор и делал вид, что торопится. Суворовна пристально наблюдала за ним, потом сказала:

– Леха, маячишь перед глазами, устала наблюдать за твоими слоняниями. Встань вон там, постой спокойно.

– А вы не наблюдайте, Суворовна, идите домой, там тепло, вам понравится.

– Не груби! Мне врач предписал свежий воздух и смену впечатлений, вот я и сижу здесь с утра до вечера. А вот тебе пора домой учить уроки, завтра у вас история, а ты ни одной даты небось не знаешь.

– А вы, Суворовна, хоть одну историческую дату знаете? – Лехе так хотелось ее уесть.

– Нет! А мне и не надо! Я свободная бабка! – И зловредно

захохотала.

Суворовна – главная сплетница Лунного бульвара, она знает все про всех. Леха ей всегда грубит, но это ей по барабану, современным подростковым словечкам она выучилась на бульваре и вставляла их в свою речь кстати и некстати.

Про невыученные даты она тоже ввернула не просто так – въедливая бабка была в курсе всех Лехиных дел.

Но тут их беседа прервалась: к ним подошла Оля.

– Леха! Агату ждешь? Прикол! Она вон там, у палатки. Они пьют сок «Ласковый» из одного пакета, как родные! – крикнула и ушла.

Леха поверил сразу. И про сок, и про один пакет. Вдобавок Оля обернулась и крикнула издали так, что ее голос слышал весь бульвар:

– «Кузнечик» ее и мороженым угощает, и еще они едят один лимон. По очереди, представляешь, Леха?

Леха представил, в нем все закипело.

Оля исчезла, а Леха кинулся к палатке «Северное сияние», там они угощаются!

Сейчас Леха покажет этому Сверчку, кто такой Леха из секции вольной борьбы. Покажет, кто такой Сверчок с его узеньким ротиком и наглым взглядом. Самоуверенность на нем написана, на этом Сверчке! Агата дурочка, как все девчонки – звезда Сверчок! И она полетела к нему. И еще пьет с ним сок из одного пакета! И смеется с этим Сверчком над Лехой! Леха зарычал, как разгневанный пес Степа, когда ему

наступят на хвост.

По бульвару бегают самые разные люди. Иногда взрослые дяди бегут трусцой, это спортивная пробежка, от бега становятся стройнее и собраннее, самоуважение сильно повышается. Как же иначе? Ведь другие валяются перед телевизором на мягкой тахте, а я, волевой и крутой, бегаю по бульвару почти каждый вечер.

Бегают подростки, вороны знают каждого. Вот Оля помчалась домой, пора кормить всех домашних животных – кролика Крошку, морских свинок Сашу и Дашу, их детей – морских поросят, они пока были без имен, совсем недавно родились. Пролетел Барбосов, он опаздывал на встречу с Надей-Сфинксом. Но вот пронесся Леха, он свиреп и опасен, он грозит порвать на мелкие куски какого-то Сверчка-Червячка. Вороны собрались все на одной березе и стали ждать. Не каждый день на Лунном бульваре рвут на клочки знаменитого музыканта Кузнечика.

Наконец Леха добежал до киоска «Северное сияние». Шестой «Б» называет этот киоск «Стаканчик». Здесь назначают встречи с намеком: «Угости мороженым». Круглый стеклянный киоск и правда похож на стакан. Леха обежал его вокруг – никакого Кузнечика, никакой Агаты. Выглянула продавщица:

– Соки любые – апельсиновый, малиновый, черника и смородина.

– Агата здесь была? И этот, Кузнечик отстойный? – Про-

давщица Света сразу поняла – Лехе не до шуток.

– Вообще-то не мое дело следить, мало ли кто и с кем приходит соку попить. Но стекло прозрачное, я все вижу. Не было Агаты и тем более – Кузнечика. Его-то я бы в любом случае узнала бы! С любого расстояния! Обожаю! Ах какой Кузнечик! У меня уже есть билеты на концерт в «Ватрушку»!

До Лехи постепенно доходило, что Оле верить нельзя, она известная врушка. Он побрел по дорожке, Агаты не было, а без нее Лунный бульвар пустой.

На самом деле народу было полно. Сидели на скамейке Варвара и Серега. Он как всегда ругал ее: «Опять нарядилась, пестрая, как попугай Попка». – «Не обзывайся, Сережа, я не Попка», – и они рассмеялись. А вот Надя-Сфинкс:

– Леха, привет! Агату ищешь?

– Щас! Шнурки поглажу и пойду ее искать! Никого я не ищу, поняла? Просто гуляю, свежий воздух, знаешь? Ну вот, дышу, – и пошел независимой походкой.

– Чего ты завелся? – Сфинкс непробиваема и невозмутима. – Не ищешь? Ну и ладно. – И она побежала к дорожке Обманов, которая сегодня называлась так. Там обычно прогуливается Барбосов, столкнувшись, она крикнула:

– Леха, желаю тебе найти Агату!

А Леха шел и ворчал себе под нос:

– Тоже мне! Нашла Дон-Жуана!

Так Агата иногда ругала Леху, самого постоянного своего друга. Он и сам считал себя безупречно верным, ни на каких

девчонок не заглядывался никогда. Почти.

И тут вдруг Леха увидел ту, на которую нельзя было не заглядеться.

Девочка шла ему навстречу. Стройная, тоненькая, она ни на кого не обращала внимания. Легкая, воздушная – не шла, а летела, почти не оставляла следов на снегу, неземная девочка. Что-то тихонько напевала.

– Как тебя зовут? – неожиданно для самого себя спросил Леха.

– Юна. – И прошла. Вдруг у нее в руке появился воздушный шарик, зеленый и немного весенний. Он рвался вверх, но Юна держала его крепко. Она уходила, Леха смотрел ей вслед и шептал: «Юна». Впервые в жизни он слышал такое имя. Как из сказки или из фильма.

Леха и не заметил, как подошла Агата. Она сразу поняла, что что-то не так: Леха не дразнится, не толкает ее в сугроб, не грубит.

– Что с тобой, Леха? – спросила она и заглянула ему в глаза.

– Ничего, все нормально, – бросил он и отвел взгляд. – Хочешь мороженого? Пошли, угощаю. – Он достал из кармана куртки деньги и подмигнул Агате. Он улыбался ей, он был рад, что она нашлась, и он видит ее ясные серые глаза и улыбку, такую заразительную, что нельзя не улыбнуться в ответ. И он улыбался, угощал ее мороженым «Сладкая жизнь», болтал о пустяках. А сам думал о девочке с необык-

новенным именем Юна.

Так началось коварство Лехи.

5. Путь к успеху

Бывшие обиженные собрались в своей комнатке, девчонки из шестого «Б» тоже тут как тут.

– А салфетка на столике новая, – сразу заметила Оля, – я наблюдательная. И костюмчики у всех стильные, у Сиреневой новые серьги.

– Сиреневые, – хмыкнула Лидка.

– Аметист. – Агата недавно вместе с мамой листала каталог драгоценных и полудрагоценных камней. – Сиреневый камень таит внутри себя тайные лучи. В неожиданную минуту как сверкнет! Мама сказала: «У аметиста женский характер».

Девчонки удобно уселись на гимнастических матах. Взрослые тоже были на своих местах. Оля продолжала свои наблюдения:

– Вазочка какая красивая! Хрустальная.

– А печенье домашнее! Пахнет вкусно! – Сфинкс притворяется простой и совсем невоспитанной. – Сильная, можно попробовать одно печенье?

– Потерпи, – Сильная сегодня сурова, – мы ждем гостя.

– Ни фиги себе, – присвистнула Сфинкс, – гостя! А мы тогда кто?

– Вы – свои, а гость другое дело. Тем более если он впервые у тебя в доме.

– И моя мама так всегда говорит. – Агата изображает недовольство, а сама сдерживает смех. – Получается: чужой человек дороже своего ребенка. Разве это правильно?

Тут в комнату вошел мужчина, красивый, высокий, широкоплечий.

– Кто тут против гостей? Я на печенье не претендую, – весело проговорил он и сел рядом с Сильной.

– Это Владимир Николаевич, – сказала Сильная, – научный сотрудник, изучает психологию семьи. Интересно?

Все сказали:

– Конечно!

– Очень интересно.

– А то мы слишком замкнулись в своем женском кругу.

– Мужской взгляд на наши проблемы – это что-то новенькое. – Редакторша инстинктивно поправила прическу и добавила: – Только, пожалуйста, судите, Владимир Николаевич, объективно, без мужской солидарности.

– Постараюсь. – Он обаятельно улыбнулся.

Лидка подумала: «Красивый, жалко – пожилой. Лет тридцать, наверное».

Без всяких предисловий он начал:

– Приступим к работе над ошибками. Главная ошибка женщины, независимо от ее возраста, – желание совершенства в ее любимом. Она возвращается к одному и тому же много раз, он вертится ужом и увиливает от ее непомерных требований. А она все борется за его улучшение. Позже она,

может быть, рада бы перестать, но ей жалко затраченных усилий. И вот она жмет и жмет. Он терпит, но терпение не бесконечно, он бежит куда глаза глядят. А она ругает его, иногда – себя. Но себя – редко. Вот я назвал вам первую женскую ошибку. И среди вас, милые дамы и барышни, это распространенная ошибка.

– Есть, есть, – грустно согласилась Сильная.

Кассирша и редакторша ничего не сказали, но подумали о своем поведении. А в углу Надя-Сфинкс шепотом важничала:

– Я никогда не прикапываюсь к Барбосику, вот мы и не ругаемся.

– Зато деретесь, – Агата вредничала, чтобы Сфинкс не указала на нее пальцем. Но Сфинкс указала:

– А ты, Агатка, все время хочешь Леху перевоспитать. Чтобы на чужих девчонок не заглядывался, не бегал за ними. Да не перестанет он! Глаза у него так устроены, вот и заглядывается.

Сильная сказала:

– Маленькие девчонки. Взрослые женщины. А проблемы одинаковые, ошибки одинаковые. Смешно даже.

Владимир Николаевич кивнул:

– Я и говорю: независимо от возраста. «Не кури, не пей, не бегай за другими, клади вещи на место, будь заботливым».

– И все это бесполезно? – азартно спросила Сиреневая.

– Как правило, бесполезно. И даже вредно, – Владимир

Николаевич отвечал уверенно.

Агата подумала: «Может, и у него есть жена. И она его питает и учит жить. Тогда он все знает по собственному опыту, и его достало воспитание».

– Продолжим работу над ошибками. Привожу пример. Он ее обожал. У нее такие глаза! Всегда удивленные, доверчивые. Героиня сказки Андерсена – Герда. Не сразу он понял, что этот неизменно чистый взгляд обращен не на него. Он, влюбленный, как будто не в фокусе. Прекрасные глаза видят все и не видят преданного и готового ради любви на подвиг. Не видят его настроения, его огорчений, радостей, обид. Никогда его любимая не сочувствовала ему. Она реагировала только на одно – на успех. Когда он это понял, он потратил бездну сил и достиг успеха – сумел создать богатую фирму. Праздник, фейерверк, признание, деньги. И глаза увидели его, он встретился с ней взглядом. Попал в фокус, понимаете? Старался не отводить взгляд и не моргать. Она отозвалась на его любовь, он был счастлив. Конец этой истории рассказать невозможно, потому что она кончилась, и все. Барышни, падкие на яркий успех, идут за успешным влюбленным. Но вовсе не долго. Брык – и ты снова не в фокусе. А в фокусе какой-то вундеркинд-футболист. Его команда победила в юношеском чемпионате района. Ее глаза увидели его, он теперь в фокусе. Вундеркинд счастлив. Конечно, недолго. Психолог замолчал и стал пить чай с печеньем.

– Это у него чайный перерыв, – завистливо вздохнула

Лидка.

А женщины подкладывали ему на тарелочку то шоколадку, то мандаринку. И печенье, конечно.

– Попробуйте, Владимир Николаевич, домашнее печенье, это Сиреневая испекла. Уютная женщина.

– Продолжим занятие, – сказал он и отодвинул чашку. – Какие мысли вызвал у вас мой рассказ про изумительные глаза?

– Стерва-эгоистка, – сказала кассирша по прозвищу Кассирша, – такие всегда выигрывают. Хорошая, душевная так и живет, всю жизнь оказывает своему дурачку гуманитарную помощь. А эта только себя любит, всех победит, все люди у нее не в фокусе! Ненавижу хищных баб!

– Владимир Николаевич, но ведь здесь ошибка не женщины, а скорее мужчины. Он попался в паутину. – Сильная протянула девочкам вазочку с печеньем и подвинула мандарины с бананами. Девчонки с удовольствием захрустели душистым рассыпчатым печеньем, взяли по мандарину. Но от разговора не отвлекались, держали ушки на макушке.

– Психологи не всегда могут отделить ошибки мужчины от ошибок его жены. Ошибки переплетаются, – пояснил Владимир Николаевич. – Близкие люди влияют друг на друга. А в моей задачке о прекрасных отчужденных глазах женщина расчетлива, она не дает любви, ее привлекает самый успешный мужчина. Но ведь всегда найдется другой успешный мужчина, а потом – еще успешнее. Вот такая грустная

история.

– А можно влюбленного заранее вразумить? – спросила Синеглазка. – Раскрыть ему или ей глаза? Оградить от ошибок? У меня печальный опыт: влюбилась в двенадцать лет и долгие годы не могу освободиться от этой зависимости. Он живет своей жизнью, а я так и осталась одна. Иногда в мыслях упрекаю свою маму – неужели не могла она тогда, давно, отвести меня, девчонку, от этого мальчика из нашего класса?

Тут уж девчонки забыли про печенье и про чай. Агата вытянулась в сторону психолога, чтобы не пропустить ни слова. Оля тоже напряглась. А Надя-Сфинкс сказала громко и почему-то басом:

– Да вы же маму не послушались бы!

Девочки зашумели:

– Мы не дети!

– Раз влюбилась, значит, выросла!

– Сама должна соображать.

Владимир Николаевич внимательно следил за разговором, потом вдруг сказал:

– Девочки абсолютно правы. Влюбленный человек во власти своих эмоций, никакие советы, предостережения ему не помогают. Он только сердится, если слышит негативные отзывы о том, кто кажется ему лучшим в мире. Мама говорит дочери: «Ну что ты в нем нашла? Болтаешь с ним часами, телефон перегрелся. А какой он собеседник? Да с нашим хомячком Колей и то интереснее поговорить, Коля хоть слуша-

ет, а этот самоуверенно перебивает и несет ахинею. Учится на тройки-двойки. А уж внешность! Уши торчат, глаза наглые, походка расхлябанная. Не ожидала от тебя, доченька, такого выбора!»

А дочь двенадцати лет слушает и думает: «Зато он любому в классе даст в лоб. Его пятерки по ботанике и по математике мне ни к чему, а танцует он классно. И вообще такой крутой и обаятельный. Его уши ему к лицу. И главное, как потрясающе он относится ко мне! Ленку на дискотеке не пригласил, а пригласил кого? Меня, конечно. Это главное». И еще очень важный момент: чем больше мама девочки ругает ее избранника, тем больше девочка к нему привязывается. Ей его жалко, ей за него обидно. Несправедливая мама, жестокий мир – все против великой любви прекрасного мальчика к прекрасной девочке. Огромное высокое чувство, даже если оно кончится через две недели. Сегодня эта эмоция заслоняет девочке все. Мамины доводы отбрасываются прочь, ничего, кроме протеста и обиды, они не принесут.

– Значит, мама не виновата, – тихо, с облегчением сказала Синеглазка. – Предостеречь меня и открыть мне глаза было невозможно.

– Как правило, эти «открывания глаз» приводят только к протесту. И начинаются обиды, ссоры с мамой. И еще появляется большое желание убежать из дома, от мамы, которая ничего не понимает в людях и обижает такого прекрасного мальчика. Его надо защитить, за него надо заступиться, ма-

му надо поставить на место. Мира в доме уже нет. Нельзя взрослым вмешиваться в романтические отношения детей.

Девчонкам все больше нравился психолог, такой умный, все понимает.

– А подросткам не мешало бы жить не только чувствами, – продолжал гость. – Разум дан человеку не зря. Думать, взвешивать, соображать. Жизнь на одних чувствах не строится. Не сердитесь, милые барышни.

Девочки мгновенно сникли:

– Рассуждает, как моя мама, – заворчала Надя-Сфинкс.

– Мой папа ненавидит моего партнера по сцене Валентина-Константина. Папа говорит, что вырвет мне ноги, – пожаловалась Анюта балетная.

– Психолог похож на мою бабушку, – фыркнула Оля, – она такие же советы дает: «Живи, как умный человек, а не как мартовская кошка».

– А ты, значит, выбрала жизнь кошки? – спросила редакторша. – Мои дети тоже отвергают мои советы. Они не хотят понять, что я им только добра желаю.

– Не нужно им наше добро. Они только себя слышат! – Владимир Николаевич резко отодвинул чашку.

Агата решила, что у психолога дома свои непослушные подростки, и они его достают.

– Расскажите еще об ошибках, – попросила Кассирша.

– Задержался я у вас, но вы так хорошо слушаете. Ладно, приведу еще один пример. Психология делит всех женщин

на две категории. Первая – «женщина сейчас» и вторая – «женщина потом». Первая интересуется, что она может получить сейчас. Вторая хочет получить свое вообще. Первая ищет состоятельного мужчину. В молодости ищет того, кто приглашает в кафе, дарит подарки. Вторые из любого мужчины пытаются сделать состоятельного бизнесмена. Такие не уходят от него сразу после банкротства. Я не обвиняю женщин. Все мы – жертвы генетической памяти. Десять тысяч лет назад женщине, чтобы выжить, был нужен сильный мужчина. «Сейчас» шла за тем, у которого сегодня есть мясо. «Потом» выбирала того, у кого твердая рука и меткая стрела на охоте. Сегодня иные обстоятельства, но суть остается той же. Женщине нужна не защита, а спокойствие, стабильность.

– А мужчинам что нужно в сегодняшней жизни? – спросила редакторша, она хотела получить мгновенную пользу от разговора.

– Мужчине нужно обожание (от женщины «сейчас») и вера в его будущее (от женщины «потом»). С одной тактика, с другой стратегия. В идеале все сочетается в одной.

– Ну это про взрослых тетенок и дяденек, – скривилась Оля, – а мы еще молодые, мы подростки.

– Вы прелестные юные барышни, – галантно поклонился психолог, – но схема отношений не зависит от возраста. И вы своим мальчикам помогаете найти себя. И вы бессознательно (а иногда сознательно) определяете, что можно ожидать от него сегодня? Каким он станет в будущем? Как это

может отразиться на вашей жизни? Ведь в любом подростке просматривается будущий взрослый. А в каждом тридцатилетнем мужчине живет подросток, который стесняется пригласить девушку в кино.

– Мне такие больше всего нравились – застенчивые, скромные. – Сиреневая нежно улыбалась, такая красивая – сиреневый костюм, волосы с сиреневым отливом, помада и лак на ногтях тоже сиреневые, лиловый шарфик. Все в тон подобрано. – А вышла замуж за нахала и обманщика. Но полюбила вот такого и терплю.

И тут психолог сказал то, что уже много раз говорила Сильная:

– Мужа надо бросать или терпеть его недостатки. Больше вариантов нет.

На этом он простился с бывшими обиженными и ушел.

Все стали восхищаться:

– Такой умный!

– Настоящий психолог, тонкий и образованный.

– И красивый, – пискнула Агата и спряталась за спину Нади-Сфинкса.

– Он мой друг, – скромно сказала Сильная и смутилась. – Ничего такого, просто дружба.

Бывшие обиженные согласно закивали, а девчонки зашумели:

– Все говорят про дружбу, когда на самом деле любовь!

– Таких друзей не бывает!

– Тем более красивый, – хихикнула Лидка Князева.

– Девчонки! Вам никто не давал права голоса, – засмеялась Сильная. – В следующий раз на порог не пустим!

– Пусть приходят, – заступилась за девочек Сиреневая, – мы бывшие обиженные, а они – будущие обиженные. Без этого не прожить.

Так закончился этот необычный вечер.

6. Он появился не зря

Новый персонаж не исчез, не для того он появился на Лунном бульваре и на страницах повести. Вот он сидит на той же скамейке и листает толстую книгу в старинном кожаном переплете. Около него притормозил Леха, как будто случайно. Помолчал, подождал, когда Юлий Цезаревич обратит на него внимание. Но этот загадочный тип листал свою книгу и даже не взглянул на Леху. Тогда Леха небрежно спросил:

– Ну и какой твой бизнес, Юлий Цезаревич? Обещал рассказать, помнишь?

– Тебе-то зачем знать? – отозвался Юлий Цезаревич.

– Обыкновенное любопытство, – ответил Леха. Не признается же он, что надеется позаимствовать идею и создать свой малый, а если повезет, то и средний бизнес. Вместе с Агатой, разумеется.

За короткое время к ним слетелся почти весь шестой класс. У шестого «Б» сильно развито чутье на все интересное. У каждого в отдельности это чутье очень сильное, а у целого класса – тем более.

– Он обещал рассказать про свой бизнес, – Леха невежливо ткнул пальцем в Юлия Цезаревича.

– Рассказывай, не тормози!

– Раскрывай свою коммерческую тайну!

– Ах, обожаю тайны, особенно коммерческие, – Лидка

Князева закатила глаза, ей казалось, что это женственно и обаятельно.

– Все бизнесы придуманы тысячу лет назад, новых не бывает, – заявил самый умный Гриша. Он трезво смотрит на вещи. – Все новое – это хорошо забытое старое. Так говорит народная мудрость.

Лидке нравится новый мальчик с хвостиком, у него упрямый взгляд, манера не спеша ронять слова. Его долгие паузы завораживают не только Лидку; в каждой паузе море загадок.

– Навалились на человека, а у него выдержка и сила воли. Это классно. – Лидка решила продемонстрировать свою дружбу, которой пока еще нет. – А кстати, можно я буду звать тебя просто Юлик?

– Вот это совсем не кстати. Юлик – маленький мальчик, а я взрослый парень, тринадцатый год. Я профессор.

– Кислых щей? – обрадовалась Оля. – Не обижайся, так называют всех профессоров.

Кто-то хихикнул, а Юлий Цезаревич невозмутимо объяснил:

– В своем деле я профессор. Смешного ничего не вижу. Абсолютно во всем никто не может быть большим специалистом, правда же? Можете звать меня Профессором, прозвище такое.

– А в каком деле ты высший специалист? В чем ты чемпион? В торможении?

– Затрещали все сразу, – поморщился он. – У вас нет куль-

туры слушания, очень распространенное явление. Один знакомый однажды сказал: «Не люблю, когда говорю не я».

Все засмеялись:

– Классно сам себя выставил!

– Другие не признаются, а этот ляпнул!

– Откровенный!

Профессор терпеливо ждал, пока они затихнут. Затихли.

И он сказал:

– Вот и вы так же, слушать человека, даже умного, даже необыкновенного, у вас терпения не хватает.

– Юлий Цезаревич, это ты, что ли, умный?

– Да, – спокойно подтвердил Юлий Цезаревич.

– И необыкновенный тоже ты? – хихикнула Оля.

– Да, необыкновенный. И еще продвинутый, даже талантливый, – невозмутимо ответил он.

Агата села рядом с Профессором и заглянула ему в глаза:

– А ты можешь что-нибудь рассказать про свой бизнес?

Спрашиваю бескорыстно, мне просто любопытно.

Он кивнул. Но тут вдруг возникла еще одна девочка. Кто-то пришел, кто-то прибежал, кого-то привели, а она возникла ниоткуда и стояла в стороне. Это была Юна.

Леха отвернулся от Агаты, даже перестал ревновать ее к Профессору. Юна притягивала к себе Леху, такого влюбчивого, непостоянного. Она стояла, рассматривала тучи, деревья, сугробы. А люди из шестого «Б» рассматривали ее – сильнее пальтишко, не очень модные сапоги, взгляд таинствен-

ный и одновременно лукавый. Ничего особенного, но глаз не оторвешь.

Только Юлий Цезаревич не обратил внимания на эту девочку.

– Итак, – начал он, сделал паузу, чтобы слушатели могли внутренне собраться. – Я уважаю коммерческую тайну и умею ее хранить. Но сегодня я раскрываю вам свои секреты. Мой бизнес уникальный. Такого больше нет ни у кого в мире. В чем же состоит мой бизнес? Внимание! – Он поднял указательный палец, все невольно уставились на этот палец. – Я могу нарисовать психологический портрет любого человека, пусть совершенного незнакомого, если знаю только его имя. Вот ты, например, скажи, как тебя зовут? – Он кивнул в сторону Лидки Князевой: – И я скажу твое прошлое, настоящее и, главное, будущее. Ошибки исключены.

Он молча смотрел на Лидку веселыми глазами, он знал, что ему не поверят.

– Врет! – завопил Барбосов. – Разводка!

– Ну почему, почему разводка? – попыталась заступиться за Профессора Лидка. – Просто фантазирует. Вольный полет воображения. Что вы смеетесь? Ничего смешного. – Лидка заступилась нескладно, про фантазию она вспомнила не совсем к месту.

Лидкин голос заглушили крики:

– Прикол!

– По имени угадать будущее невозможно! – Надя-Сфинкс

сморщила нос и поджала губы, в эти минуты она была похожа на недоверчивую старушку Суворовну. – Невозможно, правда, Барбосик?

Если бы Барбосов ответил: «Ну почему невозможно? Возможно». Тогда и Надя-Сфинкс тут же поверила бы Юлию Цезаревичу, вернее – Барбосову. Ему она поддакивала всегда. Но Барбосов набычился и крикнул:

– Ищи лохов, Профессор Кислых щей! Какой у тебя бизнес! Кто тебе поверит? Какой отстойный дурак понесет тебе бабки? А без бабок бизнеса не бывает!

Почему-то Агате показалось, что с Профессором можно договориться, если объяснить все спокойно и дружелюбно. Так иногда кажется: у других не получается, а я возьмусь за это дело, и у меня получится.

– Без денег это уже не бизнес, а развлекательная программа, – мягко начала она. – Досуг по интересам, как в нашем клубе «Фитилек». Там для одних – туризм, для других – хоровой кружок, для кого – вольная борьба, для кого – балет, и для самых одаренных – гитарная студия.

– В этом вся фишка!

– Таланты – на гитарах играют. Тупые вольно борются.

– Опять вы триндите. – Профессор умеет говорить на их языке, хотя он и Профессор. – Я могу передумать и оставить при себе свою коммерческую тайну. Основа бизнеса – тайна. Бабки – тоже важны, но не только они.

– Ха-ха! Тайну ты уже раскрыл! – рассмеялась Оля. – Мы

теперь знаем, ты угадываешь все по имени.

– Не угадываю, а знаю. – Профессор тряхнул хвостиком. – А кто-нибудь из вас может, зная только имя, сказать прошлое, настоящее и, тем более, будущее? Ну кто возьмется? – Он смотрел на всех с веселым ехидством. – Ах, не можете? Тогда не выступайте и слушайте внимательно.

– Тише! – стали кричать все. – Тише! Кому говорят! Тише!

– Молчи, Леха!

– Сам молчи!

Как Леха мог молчать в эти минуты? Ему надо было, чтобы на него обратила внимание Юна. Она молчаливая, не вопит, как Сфинкс, и не насмешничает, как Оля. Стоит в сторонке, не поймешь, слышит она все, что тут происходит, или нет. Смотрит на облака и на верхушки берез.

Агата сказала:

– Давай, Юлий Цезаревич, всех не заткнешь. Это такие особенные люди – наш класс.

– Сейчас будет тишина, – спокойно сказал Профессор, и стало тихо. Только Суворовна на своей лавочке в самом центре бульвара ругала современную молодежь. У каждого человека есть любимая тема:

– Орут, не покладая языка! Слушать устала, ничего не разобрать. Ты, Кутузовна, хоть что-нибудь поняла?

Двоюродная сестра Кутузовна сидела, как обычно, рядом с Суворовной:

– Профессор какой-то появился, а что лечит, не знаю. Если ноги – обращаюсь.

– Во! Теперь притихли! – Суворовна подняла палец. – У них не бывает случайной тишины – замышляют какую-то шкodu, я их вижу насквозь.

Профессор Юлий Цезаревич очень терпеливый. А может быть, он тормозной, как решил Барбосов. Профессор долго ждал, наконец сказал:

– Кто не верит в мою уникальную способность, прошу отойти вон за ту старую липу и не мешать. А ты подвергнешься испытанию первой. Не волнуйся, подойди ближе и стань вот здесь. Итак, скажи отчетливо свое имя.

– С мальчишками знакомиться, да еще на бульваре, неприлично!

Что вдруг нашло на Лидку Князеву? Все рассмеялись. Ведь всем известно: Князева ищет свое ускользящее счастье именно на Лунном бульваре. Она в любую минуту готова увязаться за каждым, пусть и незнакомым. Одноклассники насмешливо относились к Лидкиной неразборчивости. Она огрызалась, а иногда деловито объясняла: «Ведь никогда не знаешь, когда подвернется твой случай, и ты встретишь свое счастье». Она часто сама подходила к мальчишкам и много раз попадала в глупое положение. Теперь Лидка ни с того ни с сего захотела показать Профессору, что она барышня строгих правил.

– Князева! Не выпендривайся! – прикрикнула На-

дя-Сфинкс. – Профессор! Ее зовут Лидкой!

– Мне же надо с ней не просто познакомиться. Мне нужно сделать предсказание. Для этого необходимо, чтобы она сама назвала свое имя четко и внятно.

– Ладно, скажу. Я Лида.

– Если назовешь отчество, предсказание будет точнее.

– Викторовна. Только папа с нами не живет, у моей мамы характер.

– А это как раз не так уж важно, лишняя подробность. – Он стал листать книгу, медленно и тяжело переворачивал пожелтевшие от времени страницы.

– Не важно? Это кому как. Мамин характер теперь целиком направлен на меня.

– Не отвлекай, – Юлий Цезаревич нахмурил брови, – надо собраться. Предсказание требует большой сосредоточенности.

– Пальцы кидает, – хмыкнул Барбосов, – для понта.

Все ждали. Наконец Профессор сказал:

– Лидия Викторовна! Скоро ты найдешь того, о ком мечтаешь. Он близко, за ближайшим поворотом. Не прозевай, Лидия Викторовна.

– За ближайшим? – встрепенулась Князева. – За каким? За этим? За тем? – И она кинулась направо, там дорожка Несбывшихся надежд заворачивала и вела к площадке Счастливых совпадений.

– Лида! Это была метафора! Красивое выражение – бли-

жайший поворот! – кричал ей вслед Профессор Кислых щей. Но Лидка его не слышала. Она мчалась навстречу своему великому счастью. Она не знала, что время для счастья еще не пришло.

– А меня можешь вычислить? – спросил Леха с вызовом. Агате стало грустно, она догадалась, что его интересует будущее с Юной. Леха смело смотрел на Профессора. – Говори про меня все подряд, хоть про личную жизнь, хоть про что угодно. Я не скрытный, – Леха выпятил грудь – весь открыт и ничего не боится.

Юлий Цезаревич накрутил на палец свой обаятельный хвостик и, размышляя, смотрел на Леху. Потом сказал:

– Могу и о тебе сказать. Начнем с твоего имени. Ты, я слышал, Леха? Алексей, значит?

– Нет, я не Леха. Я Максим Алехин, а Леха – прозвище.

– Прозвища не исследую, не моя компетенция. Не подписывался. Значит, Максим. Зря хихикаете, я лучший интуитивный специалист по именам. Ведь имя человека влияет на судьбу, это доказано наукой.

– Какой наукой? – Самый умный Гриша хочет быть в курсе всего. – Как называется твоя наука?

– Имялогия, отчествология, – непринужденно ответил Юлий Цезаревич.

– Очень подозрительное название, – прокомментировал Гриша, – обычно наука называется одним понятным словом – химия, физика, математика. А тут целое рекламное объяв-

ление.

– Иногда – одним, а иногда – не одним, – спокойно ответил Юлий Цезаревич без запальчивости, без раздражения. Агате это понравилось – достойно держится. Леха давно кинолся бы с кулаками на самого умного с нудными вопросами. А уж ругался бы! Профессор держался невозмутимо. – Физика низких температур, например. Или – химия земного ядра. Мало ли. – Все притихли, веский аргумент все-таки вызывает уважение.

– Вернемся ко мне, – бесцеремонно напомнил Леха, – а вы не перебивайте. Должна быть хоть какая-то культура слушания. И нечего смеяться!

– Итак, Максим Алехин. Ты, Леха, упрямый и не всегда надежный. Бегаешь за несколькими девчонками, а сам называешь это «зигзаг». Из-за своих зигзагов ты в будущем можешь не достигнуть определенных высот. А хотелось бы тебе стать банкиром или командиром авиалайнера.

– А ты откуда знаешь? – Леха покраснел, это случилось с ним редко. – Зигзаги какие-то!

Леха сердито засопел и отошел в сторону. Он решил: «Агата его подговорила, а теперь сидит с честными глазами. Хитрюга», – Леха ласково думал об Агате, а сам смотрел на дорожку – вдруг придет Юна. Он и правда не совсем верный. Сам Леха не считает неверность таким уж большим недостатком: красивые девчонки такие привлекательные, вот он и привлекается.

Все обсуждали новую науку:

– Интересно, будем мы проходить эту имялогию в школе? – Гриша, странный человек, любит учиться.

– А если я возьму фамилию мужа? В будущем, конечно. – Лидка забеспокоилась, а Надя-Сфинкс тут же ее поддела:

– А что? Это уже скоро будет?

Князева отмахнулась:

– Время летит быстро. Не заметишь, как придет твое будущее.

Тем временем Профессор засобирался.

– Ты куда, Профессор?

– Иду читать лекцию об именах. Имялогия стала модной наукой. Меня пригласили на радиостанцию «Ку-ку». Всем привет! – И удалился.

– Врет, – тут же определил Барбосов. – Лекция у него! По радио «Ку-ку»! То радиостанция «Ку-ку». А то какой-то пацан с хвостиком! Факт – врет. – Барбосов крикнул: – Ну бывайте! – и побежал по дорожке. Он не оборачивался – знал, что Надя-Сфинкс бежит следом. Так и было. Их верной любви многие завидуют, особенно Лидка. Однажды она сказала:

– Надя-Сфинкс, ты почти хорошенькая, но лицо большое, а глаза маленькие. Это тебя немного портит. И ноги коротковаты. Но ты не грусти. Наука идет вперед. В специальных фирмах ноги удлиняют, глаза увеличивают, а лицо можно сделать узким, беззащитным и даже интеллигентным. Надо только обратиться в фирму «Лебедь». А может, она называ-

ется «Гусь», не помню. Мне-то ни к чему себя улучшать.

Лидка тогда сразу получила от Нади подзатыльник и достойный ответ:

– Лидка! Тебе не надо в фирму «Фазан» или «Сазан»? Тебе, Князева, никто не поможет, обаяния у тебя нет. Обаяние – вещь штучная, его законы таинственны и необъяснимы. Обаяние не зависит от величины глаз или ушей.

Сегодня Агата почему-то вспомнила тот разговор. Надя-Сфинкс и правда не очень красивая. Но у нее с Барбосовым верная вечная любовь с самого сентября, а теперь уже ноябрь. Барбосов не бегаёт за каждой юбкой и за девочками в брюках тоже не бегаёт. Агата вспомнила Юну и вздохнула. А Леха этого не заметил.

– Наврал Профессор, – сказал Леха, – и про лекцию сказал для понта. Каждый может выдумать про радиостанцию «Ку-ку».

Но в эту минуту на весь бульвар начала громко и звонко куковать кукушка: «Ку-ку! Ку-ку!»

– «Ку-ку!» – в восторге закричали все и кинулись к радиоприемнику, который включили Суворовна и Кутузовна. Он стоял как раз между ними на скамейке, из него раздавалось звонкое кукование. Потом милый женский голос произнес:

– Слушайте лекцию профессора Юлия Цезаревича, фамилию он не называет, у него есть для этого свои причины.

– Да, это так, – подтвердил знакомый голос.

Вся тусовка шестиклассников была здесь. Они подталки-

вали друг дружку локтями и кричали:

– Не наврал!

– А ты говорил – не верю!

– Я поверила сразу, – сказала Агата, – каждому его слову.

– Это еще почему? – возмутился Леха.

– А потому. Профессор внушает мне доверие.

– Тихо! Слушайте! – прикрикнул на всех самый умный.

– А почему нельзя назвать фамилию? – спросил милый голосок в приемнике.

– Очень просто, – Профессор не носитя со своей тайной, – меня сейчас слушают миллионы радиослушателей. Из моей школы тоже слушают – ученики, учителя, даже завуч. А я не хочу, чтобы меня потом таскали к директору и мораль читали: «Профессор, а учишься кое-как. В школе я скрываю свои таланты».

Шестиклассники радостно переглянулись. И тут из приемника раздался не очень приятный женский голос:

– Но вы же обманщик, Юлий Цезаревич! И я, Татьяна Семеновна Тряпкина, заявляю вам это как профессиональный психолог. Имя не может влиять на судьбу и на характер. Вы шарлатан!

Приятный голос сказал:

– В качестве консультанта мы пригласили в студию профессионального психолога, чтобы она высказала свое мнение о новой науке имялогии.

– Я и высказываю мнение – нет такой зависимости! Имя

не может иметь влияния на судьбу. Выдумка пиарщиков!

– Да? – спросил Профессор. – Вы уверены в этом, госпожа Тряпкина? – ехидную улыбку Профессора Агата без труда уловила в его голосе. – Насколько я понял, ваше имя – Татьяна?

– Татьяна, – ответила она. – Ну и что? Татьян миллионы, а судьба у всех разная. Значит, имя ни при чем. Вот вам мой аргумент. И что вы на это скажете?

– Имя, – спокойно сказал Профессор, – а еще есть отчество. И фамилия не у всех Татьян одна, правда?

– Жду ваших предсказаний, уважаемый Профессор, – надела на него Татьяна Семеновна Тряпкина.

– Татьяна Семеновна Тряпкина. – Он на полсекунды задумался там, у микрофона. – Вы человек самоуверенный, хотя это внешнее. Вы себе многое прощаете, а другим – прощать не умеете. Вы слишком высоко цените себя и свое время, а время – деньги. Вы легко расстаетесь с людьми. Разве не так?

Психолог Тряпкина стала возмущаться:

– Вы, Профессор, говорите какие-то глупости, общие слова! Вы не можете это доказать! – По тому, как психолог оправдывалась, стало понятно, что Профессор попал в точку. – Стыдно! Где вы откопали эти сведения?

В студии хохотали, и на Лунном бульваре хохотали. А Профессор солидно сказал:

– Мое чутье и внимание к человеческим характерам помогают мне в работе. А главная составляющая моих прогно-

зов – имена, отчества, фамилии.

Профессиональный психолог возмущенно сопела в микрофон. Приятный голосок ведущей спросил:

– Профессор, есть у вас успехи, о которых можно рассказать уже сейчас?

– Конечно, есть. Например, ребята из шестого класса «Б» обычной средней школы. Они поверили в меня, даже полюбили, и некоторым я открыл их будущее. Совсем недавно у них была возможность убедиться в том, что мои концепции и мои аспекты верны. Это зафиксировано в моей тетрадке. – Он пошуршал страницами.

– Гриша, что значит концепции? – Агата считает, что самый умный знает все. Впрочем, он и сам так считает:

– Концепция? Это точка зрения, – не совсем точно отвечает он. – Аспект – примерно то же самое.

– Профессор делает из нас подопытных кроликов, – заворчал Леха.

– Классный он! – Агата восхищалась назло Лехе.

– Жулик! – не уступал Леха.

– Не жулик, а продвинутый, – Лидка за мальчишку всегда заступится. – Он познал непознанные области науки!

В приемнике опять заговорила психолог Тряпкина:

– Я знаю все тонкости психологии, а здесь ничего не понимаю. Раз я не понимаю, значит – шарлатанство.

– Всего лишь ваша непродвинутость, – хмыкнул Профессор. – Непонимающих большинство, а большинство как раз

не умеет самостоятельно мыслить.

Тут ведущая снова обратилась к Профессору:

– А меня зовут Лилия Тюльпанова, может, вы и обо мне что-то расскажете? Я запуталась в сложностях личной жизни.

– Могу сказать. Любите дружить, но друзья долго у вас не задерживаются: только подружились, вы разоткровенничались, хоп – и расстались. И в любви такая же история. Печально, правда?

– Да! Да! Вы все верно сказали! Научите, пожалуйста, как это исправить!

– Исправлять – не моя компетенция, это другая специальность. Говорю то, что в вас есть, а как исправить, не знаю. Теперь о будущем. В будущем у вас, Лилия Тюльпанова, исполнение мечты – заведете собаку, будете с ней гулять на бульваре, встретите свою любовь. Только не проморгайте! Люди часто пропускают главное.

– Не проморгаю! Мы, Тюльпановы, хоть и не цепкие, но и не растяпы. Спасибо, спасибо, дорогой Профессор!

– Все, уважаемые дамы, я пошел. До свидания!

На Лунном бульваре все услышали, как хлопнула дверь. Это Профессор вышел из радиостудии.

Кутузовна выключила приемник и стала слушать плеер. Она всю технику носит с собой. В плеере пела знакомая группа:

Такая, в сущности, смешная вышла жизнь.
Хотя, что может быть красивее,
Чем сидеть на облаке и, свесив ножки вниз,
Друг друга называть по имени.

Шестой «Б» долго еще стоял на Лунном бульваре. Удивить шестиклассников трудно, но сегодня они были просто поражены.

– Ну наглый! И ведь в самом деле все знает! – проговорила Оля.

– Еще нас в пример привел! Гнать его в шею! – Леха решительно шагнул к Агате, чтобы она не вздумала восхищаться этим Профессором. – «Шестой класс мне доверяет», главное дело! Я лично вообще не доверяю!

– Что ты на него наезжаешь? – энергично заступилась за Юлия Цезаревича Лидка. – Может быть, он станет нашим главным консультантом по важным вопросам любви и дружбы!

– Без него решим свои вопросы, – буркнул Сергей и обнял Варвару.

– Начистить ему табло, – решил Леха, но сказал он это не очень уверенно.

7. Алые паруса

Курица пришла на урок в новом костюме. Девчонки, разумеется, стали обсуждать эту новость. Они обсуждали тихо, в шестом классе все умеют разговаривать так, что учитель не слышит и не замечает. Любой, кто хоть когда-нибудь учился в школе, знает, как это делается: надо говорить тихо, не разжимая губ. И смотреть не на собеседника, а прямо перед собой или в раскрытый учебник.

– Цвет темно-серый, – проговорила Оля. – К глазам. Соображает.

– Облегающий, по фигуре, а к низу юбка разлетается. – Надя-Сфинкс украдкой покосилась на Курицу. – Мода осень-зима. Прикольно смотрится.

– А она складненькая, оказывается, – Анюта балетная тоже включилась в беседу, точнее – в бормотание.

– Пряжки на карманах – это вчерашний день, – хмыкнула Сфинкс.

– Ты не в теме, это опять модно!

– Главное – стильно.

– Мне тоже купят такой костюм! – Лидка завидует любой новой одежде, а также автомобилю, коттеджу, колечку с камушком. – Мне мама купит именно такой!

Курица уловила волнение в классе, это ведь только кажется, что учитель глупее учеников. Иногда умнее. И Курица

напомнила:

– Урок литературы, ею и займемся. – Хотя ей, как всякой женщине, было приятно, что новый костюм понравился девочкам шестого «Б». Уж они-то хорошо разбираются в том, что модно и что стильно.

Подростки двенадцати лет не совсем взрослые, но и не совсем дети. Иногда так, а иногда эдак.

Агата в последнее время часто об этом задумывается: настоящая любовь с переживаниями и ревностью, как у взрослых. Драки и дразнилки, как в детстве. И конечно, очень умные мысли, совсем взрослые. А иногда вдруг глупые мысли, детские и пустяковые. Интересно, Леха перестанет западать на чужих девчонок? Или это у него пожизненное? И еще: он бегаёт за любой хорошенькой девочкой по детскому легкомыслию? Или увлекается всеми подряд, потому что он взрослый дон Жуан, неверный и ненадежный?

А литераторша в это время думала: «Самые современные люди, это, пожалуй, подростки двенадцати лет. У них и техника новейшая, и музыка самая модная. А куртки! А у девочек такие свитерочки, юбочки, брючки! Конечно, большую роль играют их юные лица, стройность, прелесть молодости». Так размышляла Курица.

Девчонки шептались. А мальчишки по обыкновению прислушивались, хотя притворялись, что их девчачьи разговоры нисколько не интересуют. И Леха тоже притворялся. Потому что на свете так много по-настоящему важного: «хонды»,

«мерседесы», вольная борьба, группа «Кузнечик». Да мало ли главного и заслуживающего внимания? Такие мысли посетили Леху.

Курица обвела класс специальным учительским взглядом – стало тихо.

– Кто из вас читал повесть «Алые паруса»? Ее написал Александр Грин. Скажу сразу – одно из моих самых любимых произведений. Кто из вас знаком с этой книгой, поднимите руку?

Поднялась одна рука, потом – вторая. И все.

– Два ботаника! Гриша самый умный, и Агата – просто умная, – засмеялся Барбосов.

«Двое. И это много», – подумала литераторша.

– Двое, так мало, – сказала она вслух.

Многие из них считают, что книги читать – устаревшее занятие; опять по той же причине – в жизни так много интересного: фильмы, группа «Кузнечик», группа «Рот до ушей». Всякие комплексы с магазинами и развлечениями! А иностранные машины марок! А сплетни! А любовь, наконец!

– Гриша, – Курица обратилась к самому умному, – скажи всем, о чем эта маленькая повесть? Такая красивая, умная, нежная? – Агата сразу догадалась: «маленькая повесть» Курица сказала в рекламных целях. У всех свои хитрости, Курица тоже человек. – Гриша, расскажи содержание.

– Там была девушка Ассоль, она мечтала о любви.

– И носилась повсюду, искала своего принца? – перебила

Надя-Сфинкс.

– Нет, Ассоль была терпеливой и скромной. Она верила, что к ней он приплывет на корабле с алыми парусами. Она ждала и ни к кому не приставала.

– Лохиня твоя Фасоль, или как там ее, – Лидка Князева сразу поняла, что и Гриша, и Надя-Сфинкс, и сам писатель Грин намекают на нее, Лидку Князеву. – За счастье надо бороться, а не сидеть сложа руки.

– Не перебивай Гришу, – остановила Курица, – а ты, Гриша, продолжай.

Гриша увлеченно продолжал:

– Его звали капитан Грэй, он приплыл издалека, в городке ему рассказали про Ассоль – чокнутая, верит в алые паруса, а их не бывает. Тогда он решил: если она верит – бывают, пошел в обычный магазин «Ткани», купил немеряно красного шелка, и матросы его шхуны «Секрет» сшили огромные паруса. Он увидел Ассоль на берегу и почувствовал, что приближается великая любовь. Наверное, он тоже о ней мечтал.

– Лох, – убежденно сказала Лидка Князева, хотя ей нравился этот капитан Грэй, она смущалась и хамила от смущения, – лох. При чем здесь паруса? За девушкой надо бегать, обзывать, толкать в лужи, грубить. Тогда она сразу догадается и отзовется на его чувство. И ничего смешного. Глупый ваш смех, особенно твой, Агата!

Класс веселился. Лидка сердилась. У нее почти нет чувства юмора, а сама она часто бывает смешной.

Курица похвалила Гришу:

– Хорошо рассказал. А чем закончилась эта история, вы узнаете, когда прочитаете «Алые паруса».

Шестой «Б» мастер отговорок:

– А у меня нет книги Грина!

– Мне каждый день ходить на репетиции! Мы готовим «Золушку», у меня главная роль!

– А у меня чемпионат клуба «Фитилек» по вольной борьбе!

– Меня из библиотеки вычеркнули, я «Томсойлера» потерял! На столе была книга, а потом раз! И нет!

– Заныкала! – засмеялся Сергей. Он хотел сказать «припрятала», но в шестом «Б» говорят на специальном языке подростков. – Я у тебя этого «Томсойлера» сам видел вчера!

Курица постучала связкой ключей по столу:

– Отговорки я и сама умею придумывать, и намного интереснее, чем ваши. А вы неизобретательны, хорошо, что никто не сказал про потолок, который течет в самые неподходящие минуты, а вода льется прямо на книгу. Или про будильник, который сломался, и поэтому ничего не успеваешь.

Класс смеялся. Литераторша хорошо знала своих учеников, а они, ученики, весьма неплохо изучили своих учителей. Умеют разгадать их тайные мысли и найти к учителю подход.

Агата чуть слышно проговорила Оле:

– А если к серому костюмчику надеть голубоватый шарфик, то глаза станут серо-голубыми. А если шарфик или во-

долазка зеленые, то и глаза зеленые. Очень эффектно. У нас, сероглазых, цвет глаз бывает разным, это зависит от одежды, а иногда от цвета неба. Или моря.

И Курица записала в классный журнал: «Шарфик голубой, к глазам». Потом строго сказала:

– «Алые паруса» прочитать всем, никаких «не успел», «буквы забыл» или «мама заставила мыть окно». – И они не стали спорить. Прочитают, так и быть. Тем более про любовь.

– Я песню сочинил, и слова, и музыку. Сам, – выкрикнул Леха и покосился на Агату: «Видала? Я тоже не так себе, я крутой парень, вольный борец и талантливый, конечно. Пусть и не Профессор Кислых шей».

Курица настроена мирно:

– Ну спой, только негромко. А вы не шумите, и всем будет слышно.

Леха без всяких вступлений запел:

Я играл в футбол,
На душе светло.
Тут мне засветили
Мячом в табло!
Ах, футбол, футбол!
Самый горький гол!
Вольная борьба,
На душе светло,
Тут я получил

Кулаком в табло!

Ах, борьба, борьба!

Горькая судьба! Класс был в восторге – хлопали, хохотали, топали, кто-то свистнул. Думали – Барбосов. Оказалось – Анюта балетная, нежнейшая и невесомая.

– Сам сочинил? – кричали со всех сторон. – Врешь! Признайся!

– Сам, – Леха скромно потупился, – могу еще спеть. Пока вы тут орали, то есть шумели, я еще один куплет сочинил.

– В другой раз споешь, – остановила его творческий порыв Курица, – на математике, хорошо? Учительница математики высоко оценит твой талант.

Агата и не знала, что литераторша недолюбливает математичку Клизму. Казалось, что все педагоги заодно, все друг с дружкой вежливы и корректны. «Все-таки учителя тоже люди», – в который раз за сегодняшнее утро решила Агата.

– Хоть один куплет! – стали просить девчонки. – А мы за это прочитаем про ваши красные паруса.

Мальчишкам тоже хотелось послушать продолжение Лехиной диковатой песни, но они гордо помалкивали.

– Пой, – Курица махнула рукой и села у своего стола, – только негромко.

– Бойтесь завуча? – сочувственно и вместе с тем ехидно спросила Надя-Сфинкс.

Литераторша не ответила, и так понятно. Кто же не боится

завуча Оксаны Тарасовны?

Леха снова запел, получилось громче прежнего – успех его вдохновил:

Шел хоккейный матч,
На душе светло,
Тут я получил
Шайбою в табло!
Ах, ты мой хоккей,
Морду не жалей!

Две последние строчки подхватил весь класс, удержаться было невозможно. Смеялись, наверное, на всю школу, потому что через минуту в класс ворвалась завуч Оксана. Обычно она начинает кричать с порога, а иногда – еще в коридоре. Но сегодня ее опередили.

– Репетиция! – завопил шестой «Б». – Готовим сюрприз родной школе!

– У меня ваши сюрпризы, шестой «Б», вот где сидят! – Завуч провела ладонью по горлу.

– То простые сюрпризы, а то совсем особенный!

– Леха сочинил песню! Сам!

– Слова и музыку!

– Исполняет тоже сам!

– Народное творчество!

– Песня – почти романс!

– А почему всем классом вопили? – Оксана Тарасовна –

очень опытный завуч. Она лет двадцать в школе. И с каждым годом все труднее ее обмануть. Но шестой «Б» тоже не первый год в школе, а уже шестой. А Сизов даже седьмой, он второгодник.

– Мы поддерживали Леху!

– Потому что мы все как один боеем за честь родной школы!

– И родного шестого «Б»!

Странно и удивительно – Оксана Тарасовна поддалась на эту хитрость. Но лишь на короткий миг.

Она встряхнулась, как мокрый пес, и сказала железным тоном:

– А почему репетиция происходит на уроке? Разве это входит в программу изучения предмета – литературы? Разве ваш преподаватель не имеет четкого плана урока? – Она говорила о Курице в третьем лице, чтобы окончательно ее унижить, и гипнотизировала учительницу взглядом удава средней величины.

Курица не сразу сумела найти достойный ответ. Она смущалась и возмущалась. Ей хотелось сказать: «Я не девчонка, нельзя устраивать мне такую сцену, тем более – при учениках!» Сейчас она скажет: «Есть определенный педагогический такт, Оксана Тарасовна! Я не готова выслушивать ваши резкости, да еще при детях. Для всего есть свое время и свое место». Вот так скажет сейчас Курица, а потом будь что будет. Конечно, завуч – самый непримиримый человек в

школе, все побаиваются Оксану, даже директор Мария Михайловна, интеллигентная и умная. Но сейчас Курица отбреет эту зарвавшуюся Оксану, и Оксана получит урок на всю оставшуюся жизнь. Промолчать нельзя, хотя и страшно.

Но тут поднялся Леха:

– Но разве мой текст – не стихи? А у нас как раз урок про разных авторов. Грин, например, сочинил «Алые паруса», а разве другой человек не может что-то свое сочинить? Вот я и сочинил. – Он скромно опустил белесые ресницы.

– Леха у нас поэт, – поддержал самый умный Гриша. Он тоже иногда сочиняет песни для рок-группы «Пульс собаки». Но сегодня речь не о Грише, надо победить завуча.

Тут высказалась Агата, она лучше всех умеет заговаривать зубы учителям и даже завучу:

– Наша родная школа получит первое место на олимпиаде искусств в Юго-Северном административном округе. Олимпиада называется «Солнечная звездочка». – Почему-то было важно произнести это длинное, не очень складное название олимпиады.

– И нам дадут роскошный приз, – добавила Аня бальная. Она часто выступает в балетных спектаклях на разных конкурсах, – может быть яхту, почти настоящую.

– С алыми парусами, – добавил самый умный Гриша, – и она будет стоять на шкафу в вашем кабинете, Оксана Тарасовна, и украшать родную школу.

– И мне ни грамма не жалко, хотя яхта по праву моя, –

сказал Леха и весело сверкнул глазами. – Я фанатею от яхт и всяких кораблей. Берите, пожалуйста.

Оксана тяжело и протяжно вздохнула, заколыхалась шторка на окне. Вздох был со свистом, похожим на звук лопнувшего футбольного мяча: «С-с-с-с». Наконец она сказала:

– Не верю ни единому вашему слову. Требую тишины, здесь школа, а не Дом культуры и отдыха. А вас, – она указала ключом на литераторшу, – попрошу после урока заглянуть ко мне в кабинет.

Бедная литричка, как называют учительниц литературы во всех школах, кивнула, хотя ей совсем не хотелось идти в кабинет завуча.

– А у нас после урока будет дополнительное занятие, – не сдавалась Агата, – нам надо готовиться к диктанту. Будет работа над ошибками прошлых контрольных работ.

Вступил в беседу Сергей, он даже перестал обнимать Варвару:

– Курица, то есть учительница, не может нас бросить на произвол судьбы. Контрольный диктант, городской, или даже всероссийский! Представьте, если мы получим двойки! Какой позор родной школе!

Класс удивился – Сергей обычно неразговорчив. Он произнес свою пламенную речь и замолчал, не мог придумать, что еще сказать.

Выручила Варвара. На днях она приняла важное решение – стать кинозвездой. И теперь Варвара исполняла свою

первую роль: закатила глаза и стала охать, изображая трагедию, то есть двойку, за городской диктант. Она выглядела хорошей девочкой-пятерочницей, которая постоянно беспокоится о своих хороших отметках по всем предметам без исключения.

Оксана всех выслушала и засмотрелась на Варвару, которая явно не пожалела косметики для своего утреннего макияжа, а потом сказала:

– И все равно не надейтесь, что я вам поверила. Ни слова правды. – Прозвенел звонок, завуч собралась выходить, но в дверях задержалась: – Не думайте, что вы меня ловко провели. Я вас насквозь вижу! – И ушла, а они кричали ей вслед:

– Вас разве проведешь? Вы завуч!

Курица смотрела на них серьезно и задумчиво.

– Испугались? – посочувствовал ей Леха.

– А как же? – весело ответила она.

Кажется, в этот день Курица поняла, что ученики – тоже люди.

8. Вам письмо

Писательница сегодня не работает над новой повестью, она изучает письма своих читателей. Изучает? Нет, это не холодное изучение. Писатель, читая письма, испытывает разные чувства – радуется, сердится, иногда смеется, расстраивается, иногда ругает себя, а иногда – читателя. Это когда между ними нет взаимопонимания. Письма редко бывают скучными, и читать их не скучно.

Вот пишет Настя.

«Я стараюсь никому не говорить, где работает моя мама, потому что стесняюсь. У Лерки мама бухгалтер в фирме, у Ани, моей лучшей подруги, мама тоже кто-то. А я всем говорю: „Мама – менеджер“, – и сразу отхожу, чтобы не задали дополнительных вопросов. А на самом деле мама работает в психиатрической больнице санитаркой. Представляю, как будут в нашем классе противно хихикать, с каким удовольствием начнут дразнить меня, если узнают правду. Хотя я-то при чем? Не я маму туда устроила на работу!»

Вообще моя мама, это моя проблема. Характеры у нас с ней очень разные, я даже про своих друзей не могу ей рассказать. А тем более – о влюбленности. Железо, а не мама.

С кем мне поделиться? Подруга Аня хорошая, я зову ее Анка, а иногда – Пулеметчица. Шел по телику такой

фильм, там Анка-пулеметчица красивая, поэтому Аня согласна быть Анкой, не обижается. У Анки я и взяла Вашу книгу. Мне очень понравилось, особенно девочка Таня. Мне кажется, что мы с ней похожи характерами. Я тоже застенчивая, могу не подойти и не поговорить, особенно с мальчиком.

Расскажу вам, что случилось в нашем классе. Наши ребята придумали называть учительницу истории „Истеричкой“, очень похоже на „историчку“ и смешно, но смысл обидный. А потом оказалось, что Истеричка будет нашей классной руководительницей. Все девчонки притихли, а мальчишки не успокоились, не хотели выглядеть трусливыми и стали звать Нину Павловну Нинкой. Некрасиво, правда?»

Писательница отложила письмо и подумала: «Девочка хочет казаться хорошей, примерной, лучше всех. Она задает вопрос: „Некрасиво, правда?“ Красивого в прозвищах, как правило, мало. Но учителей почти всех награждают прозвищами. Нинка – обидно? А Клизма – лучше? Или Курица? Такая уж доля у тех, кто работает с детьми, а тем более – с подростками».

Писательница продолжала читать письмо.

«Чтобы не выглядеть ботанкой, я тоже стала называть ее Нинкой. Но стараюсь делать это пореже. Решила так: укреплю свой авторитет в классе, а потом сама буду отучать всех от этого прозвища».

И опять Настя стала притворяться умненькой-благора-

зумменькой. «Авторитетом» она называла влияние. Это разные вещи: авторитет ближе к уважению. Влиять может и тот, кого не любят, не уважают, боятся.

«Все-таки она старше нас, у нее ума больше, она историю всего мира наизубок знает. Удивительная женщина! И не очень красива, а как себя держит. Вот у кого надо учиться самоуверенности».

В этом месте Насте, видимо, надоело казаться положительной, и она стала более естественной.

«Истеричка Нинка нас не понимает. А может, понимает, но не хочет вмешиваться в наше воспитание, пусть воспитывают родители. А родители-то мало что дают, надеются на школу. До свидания. Настя».

Не очень понравилась мне Настя. Объясню почему. Есть такие люди – винят во всем окружающих, а себя никогда. Мама работает не в почетной должности, возится с тряпкой и шваброй. Да еще среди таких больных, над которыми можно похихикать, если ты глупый и тупой.

И еще претензия у Насти. Мама не понимает ее тонкую душу, какая нехорошая мама. И учительница Настю не понимает и не воспитывает. Тоже плохая, разумеется.

Писательница решила задать читателю своей будущей новой книги такой вопрос: кто самый неприятный в этой истории? Ответ читатель найдет сам.

В самом конце своего письма Настя приписала:

«Я вас, наверное, уже замучила. Отпускаю вас».

Наверняка Настя не заметила своей очередной бестактности. Кто она такая, чтобы замучить взрослого человека? Да еще «отпускать»? Или «не отпускать»? Кто же ей все это позволит? Но эта девочка двенадцати лет сама себе кажется очень значительной, позволяет себе панибратство со всеми подряд. Не знает дистанции, а ведь дистанция обязательна при общении. Подходить ближе, чем другой человек хотел бы, неприлично. А приличия следует соблюдать всем и во всем. Иначе Настенька окажется в смешном положении. И может потерять авторитет, которым так дорожит.

Писательница любит получать письма. Именно на бумаге, в конверте. Открываешь, а там чей-то крик души или наоборот – веселая история, а иногда откровенное признание: «Я его люблю, а он меня нет». Такая проблема очень часто встречается в письмах. Почему? А потому, что она очень часто бывает в жизни, любовь без взаимности.

«Меня зовут Лена. Я, как и героиня Вашей книги Таня, пришла в новую школу, в пятый класс. Надо мной тоже насмехались, да и теперь не отстают, особенно мальчишки. С девочками отношения хорошие. Но честно говоря, дружбы с девочками мало.

Я очень люблю мальчика Антона, а он любит другую девочку. Не могу ему простить, но ему это не очень-то надо. Антон красивый и умный, за это я его и люблю. Я много читаю, особенно люблю книги для девочек. Ваша

книга „Мы в пятом классе“ – про Таню, а для меня она про Лену, то есть про меня.

У меня горе. Я вам его раскрою. Летом я познакомилась с прелестным мальчиком. Ему шестнадцать лет, а мне двенадцать. Ну и что? Он мне сразу понравился, и я ему, кажется, тоже. Но потом я переехала в другой город, родители перевезли, от них вечно неприятности. Увидела я своего любимого только в будущем году, он уже дружил с моей двоюродной сестрой, а меня он забыл, это было заметно по всему. Я его по-прежнему люблю, часто реву.

Вы, наверное, решили, что я дура и люблю сразу двух мальчиков, Антона и Сергея. В этом и беда, я люблю обоих. И ни один из них меня не любит! Помогите! Дайте совет! Или я скоро умру от своей безответной любви!

Все! Хватит о грустном, пора рассказать о себе».

«А до этого было не о тебе, – подумала писательница, – влюбчивой девочке Лене, настойчиво отыскивающей свою любовь, придуманную или настоящую? Этого ты, Лена, и сама не знаешь. Кстати, очень часто люди не могут ответить на этот трудный вопрос».

Дальше Лена пишет:

«Я очень ранимая девочка. У меня мама Светлана, папа Алексей, брат Андрей. Учусь я на четыре и пять. Я грубый и независимый человек, я гордая, у меня есть свое мнение. Если Вы не ответите на письмо, я

этого не переживу, так и знайте. Я в первый раз пишу писательнице».

Вот такая девочка – грубая (она хотела сказать «резкая») и нежная, ранимая. И чуть что – «не переживу», «умру». Пишет грамотно, без ошибок, даже запятые почти все на месте. Ответ на ее письмо писательница, конечно, отправила. Знала, что Лена не умрет, но автор отвечает обычно на все письма, такой у нее закон.

А следующее письмо от Тани из большого красивого города Санкт-Петербурга.

«Когда читаю Вашу книгу „Соперницы“, вижу себя и свою жизнь. Когда я читала про девочку Сашу, похожую на мальчишку своими замашками, перед моими глазами появлялась моя подружка Алекс. Удивительно, ее тоже зовут Александра! У нее и манеры угловатые, и стрижка мальчишечья. Когда мы зовем ее Сашей, она из принципа не откликается, ей не нравится это имя. И мы зовем ее Алексом, я и моя вторая подруга, Кристина. Еще важное: я мечтаю стать писательницей, у меня уже написан роман, но у нас в городе не так много издательств. Кристина тоже будущая писательница, она выбрала мистику. Мы решили с Алексом в будущем сотрудничать. Я буду редактировать ее рассказы, а она будет иллюстрировать мои романы».

Еще письмо. Перед глазами одна картина.

На уроке шестиклассник Даня читает под партой книгу.

За ним наблюдает Катя, ей давно нравится Даня. Он каждый день читает фантастику. Даня умный и красивый, а что еще от человека нужно? Совсем немного – чтобы обратил внимание на нее, Катю. Но этого пока не случилось.

И вдруг она видит: сегодня у него на коленях лежит не фантастика, а книжка «Виртуальная любовь в 6 „Б“». Вот он счастливый случай! *«Есть повод для контакта»*, – как написано в письме.

И Катя не упустила свой шанс: едва дождавшись перемены, она подошла к Дане:

– Послушай, Даня! У меня есть все книги этой писательницы! Хочешь, принесу завтра любую?

– Все эти книги полная фигня, – ответил он, – для девочек! – И отвернулся.

Так рухнули Катины надежды. Он по-прежнему бегал мимо нее, читал на уроках и все равно ухитрялся получать свои пятерки. Несколько дней Катя думала, как подступиться к Дане. Была какая-то тайна: ведь он все-таки читал эту книгу для девочек! Рисковал вызвать недовольство учителей, но все равно читал увлеченно, не отрываясь. Пока Катя все это взвешивала, родители Дани перевели его в другую школу. *«У меня такое горе, я его не вижу!»* – написала Катя в своем письме.

Писательница ответила ей письмом, посочувствовала. А самой было приятно, что мальчишка Даня читал ее книгу, да еще рисковал своей репутацией примерного пятерочника.

Он обругал книжку за то, что на обложке написано: «Любимые книги для девочек». А он-то крутой парень. Но читал же все-таки!

Кстати, сама писательница совсем не рада, что на обложке написаны эти слова. И пишет она свои повести вовсе не только для девочек. Они для всех подростков. Но издателям нравится эта надпись. Может быть, это их ошибка? И кое-кого они от книжек отпугивают? Даню, например.

Письма помогают писательнице в работе. Иногда из писем возникают новые персонажи для книг. Часто они в чем-то похожи на ее знакомых ребят. Даня – на Леху: тоже независимый и резкий. Может быть, ему нравится Катя? Может, поэтому он так суров? Ему в таком случае особенно важно не признаться в своем интересе к этой книге «для девочек»?

А Лена чем-то напоминает Лиду Князеву – энергично ищет своего героя, хотя самой себе кажется нежной и ранимой.

Настя – умница, и книжки читает, размышляет. Но стыдится маминой работы. И вообще не ладит с мамой. «Мама меня не понимает». Да подумай, девочка, это говоришь не ты, а твой возраст. Трудный, переходный, подростковый. И в шестом «Б» такие проблемы есть: с мамами ссорятся, мамами возмущаются. Это пройдет. Не из одного лишь возраста состоит человек. Есть и голова на плечах, и привязанность к маме, и благодарность. Маму любят все на свете, и забывать об этом даже на время никак нельзя.

Писательница размышляла над письмами, и ей стало грустно – вспомнила, как в далекой юности и сама ссорилась с мамой. Теперь, с большим опозданием, просит прощения.

В дверь позвонили, это пришел пес Степа. Он всегда приходит в гости, когда ей грустно. Потому что Степа – друг.

– Писем опять наслали? И всем будешь писать ответы? А сырники для хорошей собаки приготовить, наверное, не успела?

– Успела, Степа, угощайся, хороший пес.

Она положила в Степину красную мисочку сырники, и Степа с удовольствием их съел. Потом проворчал:

– Я пошел домой, не люблю, когда ты, писательница, работаешь. Занятой человек – пустое место, я так считаю.

Она засмеялась:

– Есть в твоих словах правда, Степа. Но я же не только собак люблю. Свою работу тоже люблю, прости, пожалуйста. И читателей люблю.

Он ушел, ворчал по дороге. Крутой пес Степа, так он сам считает.

9. Другая

Профессор увидел ее на бульваре. Он почувствовал, что ему просто необходимо – поговорить с этой девочкой. Она быстро шла по дорожке Веселых воробьев. А он догонял широким шагом. Всего один вопрос у Профессора к этой девочке, но очень важный вопрос.

Наконец Профессор поравнялся с ней.

Это была совсем незнакомая девочка. Красивая, высокая и стройная. А на боку висела самая настоящая сабля. Не игрушка, это сразу видно, особенно проницательному Профессору Кислых щей.

– Аглая! Почему ты всегда с саблей?

Он знал, что она не ответит на его вопрос. Профессор многое знал, не зря же он Профессор. Но про саблю не знал – почему сабля на боку у девочки Аглаи? Она ослепительно улыбнулась и вместо того, чтобы ответить на его вопрос, задала свой:

– Почему ты за мной гнался?

– Так просто, – смущенный Профессор не успел придумать ничего оригинального, развернулся и пошел прочь.

По дорожке несли Леха. Он тоже бежал за Аглаей. А зачем? Принял ее за другую. Догнал и спросил:

– Почему у тебя сабля?

– В оружейном магазине купили, – и ему улыбнулась.

Когда человек не хочет отвечать на вопрос, он всегда найдет, что сказать вместо ответа. Леха постоял немного в нерешительности и ушел. Не хотелось говорить, что обознался.

А той, кого он искал весь день, нигде не было. Есть такие люди, которых никогда нет.

Старуха Суворовна сказала ему:

– Опять измену задумал, совести нет! Все расскажу Агате!

– Ябеда! – крикнул Леха, промчавшись мимо.

– А ведь мальчик прав, – засмеялась сестра Кутузовна, – ты, Суворовна, и в детстве была ябедой. Тебя за это лупили!

– Не была! – крикнула Суворовна, но в глаза сестре не смотрела.

– Как же не была? А кто моей маме нашептал про черничное варенье? Ты!

– Твоя мама все равно бы узнала, у тебя и губы, и щеки, и даже лоб были от варенья лиловые! Она бы и так все поняла!

– Пусть бы сама и понимала. Но ты наябедничала, и она отдала тебе облизывать банку из-под черничного варенья. А меня отлупила и не пустила в кино! Это справедливо?

Суворовна молчала, она делала вид, что внимательно всматривается в дальний конец аллеи Главных тусовок, она даже ладонь козырьком приложила ко лбу, будто подчеркивала: «Не до тебя, Кутузовна, веду важные наблюдения». Она не только притворялась такой наблюдательной. Она и правда была внимательной к чужим делам, иначе не посплетничаешь.

– Смотри, Кутузовна, Агата появилась на той самой аллее Главных тусовок. А Леха ее не замечает, гоняется за чужой девчонкой, имя не запомню никак. Все мужчины в любом возрасте – изменщики и обманщики. – Суворовна поджала губы и прищурилась. – Я здесь, на бульваре, много сижу, дышу свежим воздухом по совету врачей. И я все вижу, и про всех все знаю.

– Это правда, – Кутузовна кивнула, – про всех ты знаешь, а рассказывать нехорошо. Пусть сами в своих проблемах разбираются, я так считаю. Болтать про чужие дела нехорошо.

– А мне хорошо! Я простая! Бывшая деревенская! Это ты, Кутузовна, культурная-физкультурная! Я интеллигентных терпеть не могу! – Она сорвала с головы сестры вязаную шапку, с размаху кинула на землю и нарочно наступила на нее. Потом плюнула на дорожку, правда, мимо шапки.

– Перестань скандалить, Суворовна. Мы с тобой в соседних домах выросли, мы сестры. – Кутузовна подобрала с земли шапку, отряхнула и надела. – Из-за своей вредности ты, Суворовна, готова простудить человека. А ведь мы сестры.

– Двоюродные, заметь. И во всем расходимся. Ты к людям невнимательная, ничего ни про кого не знаешь. Скажи, например, любит Леха Агату?

– Помирает о ней, – мечтательно прикрыла глаза Кутузовна. – Агата – свет в его окошке, мечта его души и путеводная звезда в пустыне жизни. – Кутузовна любит красивые выражения из сериалов, из женских романов и старинных роман-

сов, – но Леха легкомысленный изменщик. И сегодня он помирает об этой, с трудным именем.

– Юна ее звать, я выучила, – Суворовна достала из сумки большой морской бинокль и навела его на Юну.

Юна шла по аллее Главных тусовок, а рядом с ней шел Леха, он нес ее рюкзачок, розовый, маленький, такой девчачий и легкий. Он нес его не для помощи слабой девочке, а в знак внимания и большого светлого чувства. Как раньше носил Агатину гитару.

Агата это увидела без всякого бинокля. Что она сделает? Уйдет? Поколотит изменщика Леху? Врежет красавице Юне? На бульваре было немало народу – хозяева собак, мамы с колясками, была Оля с кроликом Крошкой, Надя-Сфинкс с Барбосовым и Лидка Князева сама по себе. Все видели эту сцену, многие пытались угадать, что будет дальше.

– Главное, помирились недавно!

– А он опять изменяет!

– Такой наш Леха непостоянный. Ему и Профессор Кислых щей говорил: «Две макушки – ветер в голове и счастливое будущее».

– Когда это он говорил? – Оля сама часто врет, поэтому она недоверчивая, – что-то я не помню таких предсказаний.

– Ты, Олечка, не помнишь. А я все помню. – Лидка развернула шоколадку и стала есть. Она ни с кем не поделилась. Надя-Сфинкс мстительно улыбнулась:

– Лидка Князева плохо запоминает параграфы учебников, еле-еле заучивает стихи, даже короткие. Но предсказания и гадания она запоминает с одного раза и на всю жизнь.

– Профессор не ошибается! – Лидка доела шоколадку и выбросила обертку, там были нарисованы рыжая белочка и золотистые орешки. – Он мне всю правду предсказал, даже с подробностями.

– Лидка, откуда ты знаешь, что не ошибается? – Оля ласково гладила своего кролика Крошку, он бегал вокруг хозяйки на ярко-розовом поводке. – Мне Профессор обещал бизнес, а где мой бизнес?

– Зато мне он предсказал большую любовь! – выкрикнула Лидка Князева, и сама как будто зазвенела от счастья. – И пожалуйста – главный друг моей жизни встретился мне случайно, как судьба! Я придумала ему прозвище – Салат.

– А где твой Салат? – Надя-Сфинкс пристально посмотрела на Лидку. – Опять спугнула свою любовь, Князева?

– Ты что? Он просто в Париже, ничего особенного.

– Врешь? – снова не поверила Оля. – И что он делает в Париже?

– Ничего особенного, участвует в конкурсе холодных закусок. Он из всего кафе «Тройка» самый лучший закусочник, а приз в Париже на конкурсе – золотой салатный лист. Вроде Оскара на кинофестивалях.

От зависти у Нади-Сфинкса побежали по спине мурашки, она оглядела Лидку, особых недостатков не нашла ни в лице,

ни в фигуре, ни тем более – в одежде.

– Каждый может делать салаты, особенно оливье: огурец, зеленый горошек, яйцо, морковь, мясо, картошка и, конечно, майонез. Делов-то!

– От зависти портится цвет лица, – ехидно улыбнулась Лидка. – Этот салат знают все, а конкурс – для творчества, для изобретенных новых блюд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.